Александр Режабек

БИБЛИОТЕКА

Александр Евгеньевич Режабек
Александр Сергеевич Щербаков

Библиотека. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28293701
SelfPub;

Аннотация

Можно предположить, что автор книги разделяет убеждение Нобелевского лауреата Дж. М. Кутзее – страсть правит миром: «При отсутствии страсти мир стал бы пустым и бесформенным». Именно скрытые, тайные страсти героев сборника прежде всего определяют их поступки. И великодушные, возвышенные, и ужасающие, преступные. Такова извечная человеческая природа, как бы говорит автор. Согласимся ли мы, читатели, с ним?..

Содержание

Библиотека 4
Конец ознакомительного фрагмента. 87

Александр Режабек
Библиотека. Повести

Библиотека

Ровно в девять утра Валентина Викторовна, Вэвэ, как прозвали её сослуживцы, с незнакомым многим простым труженикам радостным чувством предвкушения начала рабочего дня отперла двери своего кабинета. Наконец она могла вольготно раскинуться в своём роскошном офисном кресле на колёсиках, хозяйским взглядом зыркнуть на новую игрушку, последний «пентиум», и окинуть нежным взглядом висящий в углу под потолком, как православная икона, экран плазменного телевизора. Нет-нет, Вэвэ была не каким-нибудь топ-менеджером или директором фирмы, а, вы будете смеяться, – заведующей обычным филиалом районной библиотеки. Не верите?

А вы ещё не видели всё её библиотечное хозяйство и два роскошных с розовыми унитазами туалета, и под стать им душевые. Хотя в остальном интерьер соответствовал названию учреждения и состоял из стеллажей с расставленными и рассортированными по темам и алфавиту книгами, отгороженными небольшой стойкой, – местом для библиотекаря и парой-тройкой столиков с простенькими стульями, имити-

рующими читальный зал.

Когда-то в бывшем Союзе ходил анекдот про мировую войну, в которой русские, естественно, не могли не победить американцев, хотя у обеих сторон закончились и бомбы, и ракеты. Им повезло, из ниоткуда вдруг всплыла всеми забытая, избежавшая учёта ракетная база, решившая исход конфликта. Так вот, упомянутая библиотека была такой базой. Она располагалась в бывшей конюшне какого-то графа. Её здание за годы советской власти успело послужить и каким-то революционным штабом, и КПЗ, и общежитием текстильного техникума, а в итоге сгорело, хотя и недостаточно, чтобы пустить на снос. Годы шли, и наконец, после вяло текущего, как какая-нибудь инфекция, многолетнего ремонта оно по воле какого-то среднего ранга чиновника превратилось в районную библиотеку. Хотя решение хранить в этом месте книги не могло не наводить на размышления. Это была то ли просто глупость, то ли, чем чёрт не шутит, продуманная провокация тайных антисоветчиков. Но в силу определённых обстоятельств доступ к знаниям, источником коих и было это учреждение, для простых потребителей был максимально затруднён. Библиотека располагалась в отдалении от жилого массива и школ, на отшибе, а именно на границе полудикого городского парка, который пытались разбить на месте бывшей графской усадьбы, но толком так и не разбили. Самого-то графа народные массы в революционном запале порешили, но с тех пор начали твориться в усадьбе вся-

кие нехорошие шалости. Не изменили ситуацию ни гражданская, ни отечественная война, ни развитой, ни даже зрелый социализм. И, что характерно, ни перестройка, ни мутные девяностые. Короче говоря, простой народ в вечерние часы не очень любил посещать эти места, а днём все были или в школе, или на работе. В итоге работать, а точнее ничего не делать, в этой библиотеке было одно удовольствие. Числилась она спокойненько на чьём-то балансе и никому не мешала, потому что ничего не просила. Не претендовали ни на её помещение, ни на землю под ним ни братки, ни олигархи. Деньги сотрудникам, конечно, платили, правда, фуфельные, но говорят же, что счастье не в них. Разве Воланд не наградил мастера в конце истории покоем в окружении любимых книг?..

Так вот, Вэвэ в этой библиотеке была заведующей. И числились у неё в штате всего два сотрудника: библиотекарь Владик, точнее Владислав Игоревич Скрепкин, и уборщица Настя, а официально Анастасия Эдуардовна Кравчук. Честно говоря, Вэвэ не переставала удивляться тому, что эти двое молодых и красивых людей согласились у неё работать за мизерную зарплату. У обоих было высшее образование, оба остроумны и современны. Допустим, Владик хотя бы окончил библиотечный институт, но красавица Настя, выпускница МВТУ им. Баумана… Ей-то что здесь ловить? Даже жениха не поймаешь, разве что Владика, хотя тот, как ни странно, никакого интереса, помимо дружеского, к Насте не про-

являл. А та без тени смущения каждый день надевала перчатки, брала вёдра и швабры, и драила все помещения. Что за мазохизм такой? Вэвэ даже подумывала, правда с долей сомнения, что это, может, у них какая-то форма подвижничества или, чем чёрт не шутит, покаяния. И страшно боялась, что эта идиллия вдруг закончится, ребята опомнятся и подадут заявление об уходе, ставки в штатном расписании останутся незаполненными, а о библиотеке вдруг вспомнят и за ненадобностью закроют.

Вэвэ, с опаской покосившись на закрытую дверь кабинета, откинулась в кресле и, не по-женски широко, но удобно раскинув ноги, позволила воздуху забраться под немодную задравшуюся кверху юбку, а затем взгромоздила их по-американски на стол. Вэвэ было 52 года, и она выглядела никак. Именно никак. То есть, естественно, она была существом женского пола, но как бы в виде наспех вылепленной заготовки. Ещё не старая, но и не молодая. Не толстая, не худая. Черты лица не красивые, не уродливые. Одета не модно, но и не безвкусно. Просто подходи и лепи, что хочешь. Чуть макияжа и стиля – и среднего возраста мужчины будут «писать кипятком». Одежда а-ля ватник и платок – и начнут уступать место в метро.

Но она не всегда была такой. Вэвэ родилась «женщиной для мужчины». Не обычной женщиной, а именно «женщиной для мужчины». Душечкой. Такой домашней, милой, уютной. Симпампушечкой. А её мужчина, обожаемый Ми-

тенька, взял и пять лет назад умер. У него была гипертония и запоры. Но запоры мешали сильнее. Давление-то он и не чувствовал, а так временами на головокружение жаловался. Но ведь, как назло, зайдёт он к врачу с каким-нибудь пустяком или за очередным слабительным, а тот на ровном месте возьмёт и намерит сдуру что-то своим тонометром. К нему с запором вообще-то пришли… Но таблетки от гипертонии, когда не забывал, Митенька всё-таки глотал. А вот запор сильно мешал. И живот крутит, и газы распирают. Чего только не пробовал: и пилюли, и масла, и диеты, и морковки со свёклой неизвестно, сколько сожрал, а толку чуть. А в тот раз его прилично прихватило. Тужился, тужился, да всё вхолостую. Только голова вдруг внезапно и сильно разболелась. А когда из туалета вышел, Вэвэ заметила, что левую ногу стал приволакивать, да и рука левая что-то неловкая какая-то стала. И когда говорит, будто жуёт одновременно что-то. А вечером взял и помер. Вроде как вначале заснул, а потом захрипел и помер. Даже «скорой» не дождался. Кровоизлияние в мозг, сказали.

Мужа Вэвэ любила, хотя знала, что у него есть от неё тайна. И такая, что ей даже было противно о ней не только думать, но и вспоминать. Ладно бы бабу себе завёл. С кем не бывает. Да и простила бы она ему бабу, лишь бы к ней не ушёл. А тут такое…

Был у них загородный домик, дача, и ездил её благоверный туда регулярно с приятелем Лехой на рыбалку. А Вэвэ,

пока был жив муж, не очень эти вылазки на природу любила. Необходимость копаться в огороде её не вдохновляла, да и удобств в доме не было никаких. Кроме того, мужики прилично там поддавали, а пьяного Дмитрия она не переваривала. И вот как-то мужчины в очередной раз свалили на выходные, а она осталась одна. И что-то ей стало тоскливо. Ни с того, ни с сего. А, может, просто климакс. Маялась она, маялась и решила к мужу поехать. Всё-таки родная живая душа, пусть даже и выпившая. Зашла в магазинчик, прикупила всяких вкусностей, чтобы мужчин порадовать, и поехала. Только зря она это сделала. Не до неё им было. Собой они занимались. То есть в самом прямом интимном смысле. Вэвэ очумело постояла, подглядывая в окошко, да так и уехала. Но мужу ничего об увиденном не сказала. А он оставался прежним. Добрым и любящим Митенькой. И супружеский долг выполнял исправно. Хотя Вэвэ теперь не так, как раньше, безоглядно поддавалась возбуждению. Она невольно вспоминала ту дачную картинку… Обиду она выместила на телевизоре и газетах. И не, дай бог, было ей увидеть передачу или статью про СПИД, или фильм о перипетиях жизни гомосексуалистов, об их «любви». Она плевалась, ругалась, выбрасывала газету в мусор или переключала телевизор на другую программу. Дмитрий на эти выходки жены внимание не обращал. Так всё и катилось, пока Митенька не покинул этот свет.

Осталась Вэвэ одна. Единственный ребёнок, сын, вырос,

женился и жил отдельно. Да и не было между ними особенной близости. Вроде и она его любит, и он её, вот только ауры их друг от друга, похоже, отталкиваются. Невестка усилий, чтобы сблизиться со свекровью, не прикладывала. Так что, кроме редких совместных праздничных ужинов и дежурных звонков «как и что», ничего её особо с сыном не связывало. А «женщина для мужчины» без мужчины переходит в аморфное состояние. Будь она помоложе, стала бы, наверное, искать другого мужика и следила бы за собой получше, однако, когда тебе за пятьдесят… Но, слава богу, у неё была библиотека, и, главное, появился Владик, а за ним и Настя.

Когда Скрепкин пришёл в первый раз в ещё прежнюю библиотеку на смену занимавшей его будущую должность старушке Татьяне Павловне, собиравшейся на пенсию, Вэвэ не поверила, что он всерьёз собирается здесь работать. И даже, слушая его высокопарные рассуждения о роли культурного воспитания в циничном, лишённом идеалов мире, скептически на него поглядывала и искала подвох. Дурой-то она не была. Наконец, Владик, видя очевидное её недоверие, прекратил разглагольствовать и, рассмеявшись, сказал:

– Да уберите вы уже с лица подозрительное выражение. Я действительно хочу работать. Я люблю книги, люблю тишину и уединение, хотя ничто мирское мне тоже не чуждо. Мне нужно место, чтобы собраться с мыслями. Я хочу попытаться написать что-то своё. А для этого ничего не может быть лучше, чем окружение книг. И, самое главное, я – богатый

человек, мне не нужно думать о куске хлеба. Мои родители, к несчастью, погибли, но от отца мне досталось ох как немало денег. Поэтому я ещё намерен на свои средства в этом богоугодном заведении кое-что изменить.

И действительно изменил. Привёл в порядок старый фонд, прикупил новых книг, поменял стеллажи, компьютеризировал картотеку и список абонентов. Вэвэ только диву давалась. А ещё, что её удивило и насмешило, но в глубине души очень обрадовало, он великолепно оборудовал туалеты, а также душевые по типу гостиничных. Вэвэ, хоть и понимала разумом, что туалеты в общественных учреждениях необходимы, но всё же была продуктом социализма, при котором чистый и хорошо оборудованный общественный туалет был понятием чуждым, подходящим скорей проклятым загнивающим капиталистам. Она даже спросила Владика, зачем всё это. Можно ведь просто чаще мыть старый нужник, а туалетную бумагу из дома приносить. Тот только рассмеялся.

– Каждый по-своему с ума сходит, Валентина Викторовна. А если серьёзно, то для меня целая драма воспользоваться общественным туалетом. Проще описаться или, извините, обкакаться. Ненавижу их ещё с детского садика. Грязь, вонь, хлорка… А здесь я работаю и собираюсь работать творчески. Возможно, даже буду оставаться ночевать. И категорически настаиваю на том, что должен чувствовать себя при этом комфортно, тем более что плачу за всё из своего кар-

мана.

А ещё Владик купил новое кресло в кабинет Вэвэ, поставил в нём новейший компьютер, повесил телевизор и разместил уютненько в углу маленький холодильник, в котором сотрудники хранили свои «снеки». И теперь Валентина, плотно закрыв дверь, могла спокойно наслаждаться утренним повтором телесериалов или путешествовать по Всемирной паутине. В этой почти райской жизни её немного раздражал лишь большой, постоянно запертый холодильник приятеля Скрепкина в коридоре библиотеки. Владик как-то попросил разрешение его там временно разместить, пока друг не подберёт для него новое помещение. Но история затянулась, а Вэвэ стеснялась спросить, когда же этот посторонний предмет покинет её учреждение.

А где-то через полгода появилась Настя. До этого у них была Верка, здоровенная немолодая бабища, которая приходила, когда хотела, и убирала халтурно, так что и Вэвэ самой тайком приходилось иногда браться за тряпку. Но увольнять Верку было накладно, вряд ли кого-то другого удалось бы найти. А у той, как выяснилось, и свой интерес был. Её сожитель любил, оказывается, фантастику почитать и своей бабой, не халам-балам, а работницей библиотеки, гордился. Но взаимовыгодное сотрудничество закончилось, когда внезапно пропали, а точнее были пропиты Веркиным кавалером несколько хороших и новых, только что купленных на деньги Владика книг. И Верку попросили освободить поме-

щение. Хорошо ещё, что функцию лица, сообщающего ей об увольнении, взял на себя Скрепкин. И справился с ней отлично. Обычно горластая хабалка Верка не посмела и пикнуть, когда всегда мягкий, ясноглазый Владик вдруг строго сказал ей, что библиотека в её услугах больше не нуждается. Она только смачно плюнула на недавно начищенный паркет и буркнула: «Утрётесь». И, даже, несмотря на потерю столь дефицитного работника, Вэвэ вздохнула с облегчением.

А Настя была просто конфетка. Девочка-сексапилочка с картинки. Very very sex appeal. Ну, куда ей тряпку в руки? А девочка тем временем на судьбу не жаловалась, честно выполняла свою работу и мило кокетничала с некоторыми несколько зачастившими в библиотеку молодыми читателями. Только дружески. Не более. И, не поверите, как эта противоестественная, по её мнению, ситуация мучила Вэвэ. Она по-бабски ничего не понимала. Было поначалу время, когда она решила, что Настёна подбивает клинья под Владика, тот ведь не скрывал, что при деньгах, да и ездил на «лексусе». Но, как ни пыталась, ничего похожего на рождение служебного романа Вэвэ выявить не сумела. Дружба – да. Лёгкий флирт – да. А больше – ни-ни. А ведь Валентине хотелось другого. И не из каких-то низменных побуждений. Не из желания залезть в чужие трусы. Наоборот, она искренне желала им счастья. Она бы по-человечески только обрадовалась, если бы эти два молодых человека нашли друг друга. Настя – чудесная женщина, и у неё должен быть достойный мужчина.

А то, что она пока не проявила заинтересованности, это, может, и правильно. Отсутствие чересчур открытого интереса – как раз по-женски. Главное, чтобы мужчина был настойчив.

А Владик разочаровал. Равнодушная скотина. Ни рыба ни мясо. Но, доходя в размышлениях до такого вывода, Вэвэ немедленно начинала себя упрекать в предвзятости и необъективности. Разве она достаточно знает этих ребят? И кто она вообще им такая? А может, у каждого уже есть любимый человек. И наверняка ведь есть, а как же может быть иначе. Хотя как было бы здорово, если б они взяли и поженились. Просто не библиотека была бы, а семейное предприятие.

Помните сказку «Золотой ключик»? Там было мудро замечено, что в голове у Буратино водились коротенькие мысли, подходящие её деревянной сущности. Вот и у душечки Валентины в голове были мысли соответствующего размера. И страсти кипели такие же. И многое ей просто было невдомёк. Она, например, хоть и обратила внимание, но не поняла, зачем рядом с их забубённой библиотекой раскатали площадку под стоянку автомобилей. И пешие-то читатели были у них не так часто, а уж автомобилисты – это вообще из категории феномена. Она даже спросила Владика, к чему это всё, но тот лишь отмахнулся. Мол, денег у них не просят, а делают своё дело как часть программы дальнейшего благоустройства, и, может, даже покрасят им фасад здания, всё-таки оно старинной постройки и с виду ещё ничего. Не придавала она значение и тому, что, если она оставалась до

закрытия, то, уходя, частенько встречала одного и того же средних лет крепкого мужчину, который в последнее время даже начал с ней здороваться. Наверное, ухажёр по Настину душу, с оттенком неприязни думала она, и тут же душечка её поправляла: а, может, родственник встречает девушку, чтобы она одна по вечерам не шлялась возле парка. И в подвал здания Вэвэ не доводилось заглянуть. А стоило бы. Вот бы она изумилась.

Вечерняя и ночная жизнь библиотеки, в отличие от рутинной дневной, была бурной и интересной. Владик не без основания гордился собой, когда придумал сделать в действующей библиотеке бордель. И непростой, а элитный для геев – просто конфиденциальное место свиданий. В этом, наверное, было какое-то извращённое эстетство, когда мужчины совокуплялись друг с другом среди сокровищ мировой литературы. Но странным образом места рядом с Толстым и Бальзаком по популярности не выигрывали первенство. Народ предпочитал «красный уголок», созданный Вэвэ без всякой задней мысли. Как в любой библиотеке, у Валентины Викторовны был большой запас советской идеологически выдержанной литературы: труды классиков марксизма-ленинизма, история КПСС, самые-самые вопиющие шедевры непуганого социалистического реализма, другими словами, то, что ни один нормальный человек в СССР по доброй воле не прочитал. И Вэвэ в том числе. Но просто выкинуть эту макулатуру или спрятать в запасник у неё рука не

поднималась. Всё-таки часть отечественной истории. Да и к печатному слову она относилась с пиететом, иначе и библиотекарем работать бы не смогла. Вот Вэвэ и выделила в общем зале угол для всего этого богатства и просто из шалости повесила над ним портрет Ленина, обозначив секцию табличкой «Красный уголок». И это привело к непредсказуемым результатам. Некоторые немолодые посетители принимали её демарш за чистую монету и со скупой непрошеной слезой жали Валентине руку, отчего она, мучась угрызениями совести, ужасно краснела. А геи прикипели к этому месту, что привело в условиях свободного рынка к росту ночных расценок. Наверное, это было очень эротично – «тибидохаться» рядом с трудами Ленина о гегемонии пролетариата. Только подумайте, днём посетители из старперов пускали в этом углу слезу, а ночью другие, иногда ровесники первых, пилили друг друга… Триумф сублимации полового чувства.

А главным боссом в ночной, да, в общем, и дневной, библиотеке был Владик. Как вы понимаете, с его способностями ему ничего не стоило заморочить голову душечке Валентине и ненавязчиво взять административное управление культпросвета под контроль. На раскрутку площадей здания и прилежащей территории пошли его деньги. Их происхождение было покрыто густым мраком, рассеять который никто особо не стремился. В наше время это, знаете ли, могло оказаться накладным. Все предпочитали верить версии о наследстве, доставшемся после смерти отца. Так оно, в об-

щем, и было. Отец Владика действительно погиб. Но вот какая беда, сначала кто-то долго пытал его, рвал ногти, жёг и бил по мошонке током. Узнать, по-видимому, что-то очень хотел. И, наверное, отец бы, в конце концов, не выдержал и всё рассказал, но не успел – умерел от разрыва сердца. Однако голову ему всё-таки железным прутом размозжили. Нечего было «общак» воровать. Но Владику повезло. Его совершенно неизвестный папочка оказался не только хитрым, но и сентиментальным. Он не только подельников сумел насосать, но и грехи молодости перед покойной матерью Скрепкина попытался искупить. И деньги так спрятал, что никаких концов, ведущих к сыну Владику, найти было невозможно.

Правду об отце, криминальном авторитете, юноша узнал уже взрослым, перед смертью матери. А это, знаете ли, неприятно, когда почитаемая и любимая женщина на смертном одре сознаётся, что родила тебя от залётного квартирного вора. Для неё та коротенькая и совершенно неожиданная связь была постыдным воспоминанием. Хотя ребёнка она сохранила и воспитала его вместе с бабушкой. Они обе воспитывали Владика, как считали правильным. Любовью, хорошими примерами и книжками. Но что-то сработало не до конца. Покойную мать и до сих пор здравствующую бабушку Владик любил и старался не огорчать, и рос в общем хорошим мальчиком. Только его «хорошесть» была поверхностной, наносной. И так называемое «плохо» было для него намного привлекательнее, чем так называемое «хорошо». Он

был просто осторожней ровесников. Понимал, что, пойманный на «плохом», будет наказан. А может, причина была в отцовских генах. Или, может, в том, что в его детстве было слишком много женского начала. А ему надо было вместо того, чтобы читать «Анну Каренину», мечтать о карьере лётчика-испытателя или чемпиона по боксу, или вообще заняться чем-нибудь другим, абсолютно мужским, таким, чтобы адреналин рвал сосуды, а тело только бы и мечтало о минуте передышки. Но разве такое найдёшь в школе, где бабушка была завучем, или в институте культуры, где пацаны вообще были наперечёт? И даже девчонки, занимавшие не последнее место в его жизни, со временем стали раздражать. Их у него было много. Они так и липли к нему, вроде бы традиционно интеллигентному, но в то же время циничному и бесшабашному. Но и они ему скоро наскучили, и Владик ничего не мог с собой поделать. Ему приелась их предсказуемость. Он быстро понял, что секс, как и всё остальное, может надоесть и превратиться в рутинную обязанность, а девичьи долгосрочные интересы были настолько прозрачны, что даже не стоили упоминания. У всех одно и то же. Стабильный мужик, материальный достаток, семья, дети. Плюс-минус какая-то непыльная работа. Отличаются лишь уровни запросов. Каждому Сеньке – своя шапка.

Первый раз вступить в гомосексуальные отношения его заставило чистое любопытство. Если хотите, некий не физиологический, а скорее интеллектуальный императив при-

обретения нового опыта. Это было нелегко. Он и понятия не имел, сколько в человеке может быть внутренних преград. Не подозревал, насколько сопротивление на подсознательном уровне может влиять на функцию тела. Оно отказывалось реагировать должным образом на нетрадиционный предмет сексуального интереса. Но, оказывается, при определённом терпении и навыках и эти преграды преодолимы. И свершилось. И даже понравилось. И заставило задуматься и прийти к определённой мысли. Но её первым сформулировал не Владик. Что-то подобное высказал один из известных философов Древней Греции, где однополые отношения были так же нормальны, как и разнополые. Он сказал, что в отличие от разнополой только однополая любовь истинно бескорыстна. И Владик понял мысль философа. Любое взаимное влечение самца и самки на глубинном уровне имеет отчётливую корыстную цель – воспроизведение потомства. Всё происходящее вокруг этого – обыкновенная мишура. Самцы лосей ждут целый год, а потом сражаются друг с другом за самку ради совокупления, длящегося считанные секунды, чтобы та забеременела и родила лосёнка. И Скрепкин вначале из интеллектуального любопытства, а затем по убеждению стал бисексуалом. Но постепенно, как ни странно, мужской род вытеснил женский из его жизни. Мужчины легче становились просто друзьями, меньше капризничали и лучше понимали потребности мужского организма. И были менее корыстны.

Поэтому у Насти не было никакого шанса околдовать Владика своими нешуточными девичьими чарами. Точнее, не так. Владик в принципе мог бы без проблем и с удовольствием переспать с ней, если бы той так уж захотелось затащить его в койку. Он даже мог бы в интересах дела на ней жениться. Только дело должно было того стоить. Но отдать сердце – никогда. Оно уже было занято.

Владик любил. Любил беззаветно, до готовности, если надо, пожертвовать всем, включая жизнь. И ему отвечали взаимностью.

…Он познакомился с ним на какой-то корпоративной вечеринке. Это был маленький, худенький, мальчишеского вида официант, разносящий выпивку, по кличке Колибри. В меру услужливый, из тех профессионалов, которые умеют оставаться незаметными, но в нужный момент всегда оказываются в пределах досягаемости. Владик, скорее всего его и не приметил бы, если б в какой-то момент не умудрился случайно неуклюже повернуться и толкнуть его. Поднос с выпивкой полетел на пол, Колибри тихонько, но внятно матюкнулся, а Владик невольно обратил внимание на его лицо. Это было лицо, которое он хотел бы видеть ещё и ещё. А главное, видеть эти глаза, глядящие на него с лёгким укором и иронией, но в которых, несмотря на стереотипность ситуации, не отражались ни затаённая ненависть холопа к барину, ни раболепие лакея. Эти проницательные глаза, которые изучающе и с интересом смотрели на него. Мол, что это за фрукт?

Владик просто пропал. Откровенно растерялся. Потому что чувствовал, что влюбился, да так, как никогда раньше. И не имел ни малейшего представления, что делать дальше.

Как подступиться к предмету любви? Ведь вероятность того, что тот, как говорится, натурал, то бишь гетеросексуал, была более чем велика. Да и вообще, как в такой ситуации заводить знакомство, мягко говоря, не только ради дружбы? Это мальчику с девочкой легко познакомиться. А мальчику с мальчиком?.. И хотя в таких делах Владик и не был новичком, и круг мужчин, в котором он вращался ранее, был не маленьким, всё же этот круг был достаточно замкнут. Они не светились и всегда долго и тщательно присматривались друг к другу, а тем более к новичкам. В сомнительных случаях для выяснения личности даже нанимали частных сыщиков. И, конечно, боже упаси, не знакомились на улицах и в общественных местах. А тут вот на тебе, на совершенно безобидной тусовке такое несчастье или, наоборот – счастье. Владик ведь даже не мог позволить себе наклониться и помочь Колибри собрать осколки. Другое дело, будь официант девушкой. Такое зачлось бы любому только в плюс. А что подумают, если один молодой мужчина начнёт по пустякам помогать другому молодому мужчине? Вот-вот… А Владику, хоть он и понимал, насколько это глупо, ужасно хотелось не только избавить Колибри от необходимости выполнять какую-либо работу, но и подарить ему машину, квартиру и вообще усадить на трон и с саблей наголо охранять его цар-

ственный покой. Но в реальной жизни он только смущённо извинился и, выдавив из себя улыбку, попросил принести ему виски. И всё-таки они немножко поговорили. Так, ни о чём. Женя Калибер, он же Колибри, учился на гостиничного менеджера, жил с мамой и сестрой, был не нищ, но по-московски в меру беден. Сексуальная же ориентация осталась тайной.

Колибри на Владика никакого внимания не обратил. С такими, как он, клиентами, любящими после нескольких рюмок от скуки потрепаться, ему приходилось встречаться более чем предостаточно. А тем, в принципе, было и не важно, кто он, собеседник. Мужчина, женщина, молодой, старый, умный, глупый. Болтая, они слушали только самих себя. Хотя из вежливости, конечно, задавали вопросы, проявляли, так сказать, интерес к собеседнику. Им надо было что-то отвечать. Хотя вопросы раздражали. Кому, к примеру, какое дело, почему Колибри подрабатывает официантом? Или, вообще наглость, сколько он зарабатывает? Но потом Женя привык. И это даже стало его развлекать. В конце концов, такое общение способствовало увеличению заказанных выпивок и чаевых. Он стал рассказывать подробные завиральные истории, варьируя их в зависимости от психологического настроя клиента. Пускающим по пьяни сопли жаловался на родителей-наркоманов, лишённых родительских прав, на вынужденное проживание с раннего детства в семье дяди-тирана и прочую дребедень. Так называемым «насто-

ящим мужикам» болтал о прерванной из-за травмы карьере боксёра-легковеса и затаённой мечте поднакопить денег и открыть собственный бойцовский клуб. Клиенты хавали эту туфту за милую душу, даже обещали помочь. Но никогда на трезвую голову не помогали. Впрочем, Колибри и не рассчитывал. Причина же разговорчивости Владика была ему непонятна. Выпил он немного, говорил, как будто силой выдавливая из себя слова, выглядел смущённым, хотя, что странно, его интерес к собеседнику выглядел искренним. И Колибри, что было для него не характерно, говорил о себе хотя и достаточно коротко, но правдиво. Он действительно жил в двухкомнатной хрущёвке с матерью, работающей проводницей на Савёловской дороге, и шалавой-сестрой, которая явно любила связываться не с теми парнями, почему и ходила попеременно с подбитым то правым, то левым глазом. И у Жени была мечта (правда, ей он с Владиком не поделился): избавиться от этих своих баб – сестры и матери. Боже упаси, он ни в коем случае не хотел, чтобы с ними что-нибудь случилось. Пусть будут живы, здоровы и, насколько это возможно, счастливы. Только без него, без Колибри. Счастья им немереного, но где-нибудь на Канарах или Селигере на худой конец. Во-вторых, ему ужасно хотелось, и в этом он был далеко неоригинален, разбогатеть. Но не тем богатством, при котором большинство населения тайно желает тебе скорейшей и по возможности мучительной смерти, а ровно таким, чтобы стать полностью независимым и делать только то, что

интересует твоё внутреннее «я». А его «я» после приобретения соответствующих материальному положению аксессуаров типа квартиры, машины и прикида мечтало о карьере барда. Колибри хорошо играл на гитаре, недурственно пел и даже сочинял, как ему казалось, неплохие песни. Несмотря на молодость, он любил Окуджаву, Галича, Визбора и прочих мэтров этого уже несколько присыпанного пылью жанра, и в перспективе видел себя на сцене поющим для избранного круга молодых интеллигентных людей. Естественно, ему нужна спутница жизни, его королева, хотя ничего конкретного Женя пока на своём жизненном пути не встретил. Так, были подружки на раз, и всё. Гостиничный бизнес, за обучение которому он платил, работая в ресторане, ему, в общем, был по фигу. Просто менее муторное, чем работа официантом, средство заработать на кусок хлеба. Правда, тайком плюнуть в тарелку клиенту нельзя. А ещё Женя проговорился Владику, что любит театр и при любой возможности ходит на новые спектакли наиболее известных трупп и режиссёров, тратя иногда сумасшедшие деньги, чтобы достать билет на хорошее место. Причём был всеяден и с одинаковым удовольствием смотрел и пыльную классику, и самый-самый что ни на есть авангард. Его завораживала близость сцены и живая игра. Это ведь совсем не то, что компьютерные киношные трюки.

* * *

…Владика в тот день разве что не била дрожь. Он был мрачен, подавлен и одновременно полон решимости. Ему предстояло заманить Колибри на свидание. Для этого у него были два билета на «Двенадцатую ночь» в модерновой постановке гастролировавшего в Москве малоизвестного, но высоко котируемого среди фанов какого-то воронежского театра. Владику было всё равно на что идти, хоть на «Гамлета», хоть на «Петю и волка», лишь бы быть рядом с Женей. Но под каким соусом назначить свидание? Он мучился, понимая, что просто подойти и сказать, пошли вместе в театр, вряд ли получится, да и на предложение, вероятно, последует отказ. И пошёл на незатейливую хитрость.

Скрепкин, явно нервничая, занял место в ресторане за столиком, обслуживаемым Колибри. Тот, прежде чем подойти, как всегда оценивающе глянул на клиента и понял, что его уже где-то встречал, а точнее, обслуживал. Чуть покопавшись в памяти, Колибри вспомнил, что пару недель назад приносил ему напитки на какой-то корпоративной вечеринке. Тот ещё ему поднос перевернул и потом долго губами шлёпал, извинялся. Хотя мужик явно хороший. Без дерьма. И Женя, приветливо улыбаясь, подошёл к Владику.

– Здравствуйте! Вы, кажется, у нас недавно были, и я вас уже обслуживал? – нейтральным тоном произнёс Колибри.

Владик кивнул и поблагодарил бога, что не сглотнул при этом судорожно слюну.

– Мне, знаете ли, до сих пор неудобно, что я вас тогда толкнул и разбил бокалы, – промямлил он. – Надеюсь, у вас из зарплаты потом стоимость не вычли?

Колибри усмехнулся.

– Да нет. В ту вечеринку было столько вбухано денег, что вы могли бы спокойно покрошить ещё десяток бокалов и разбить или разлить несколько бутылок.

Официант сделал паузу, но, видя, что клиент не мычит, не телится, молча положил перед ним меню:

– Посигналите мне, когда выберете.

Колибри уже собрался отойти, но Владик, как будто спохватившись, умоляюще поглядел на Женю и попросил:

– Вы мне, пожалуйста, водки грамм двести принесите и воды минеральной с газом запивать.

Зачем Владик заказал водку, было непонятно. Пил он обычно мало, водку не любил, а предпочитал коньяк или виски, но отступать было поздно. Прошло несколько минут, Колибри поставил перед Владиком пузатый графинчик и деловито поинтересовался:

– Решили, что будете заказывать? Если нет, то могу порекомендовать.

Но Владик только отмахнулся и с глупой гримасой проговорил:

– Да нет. Пока не надо. Я, видите ли, кое-кого жду. А когда

она придёт, закажем.

В ответ Колибри безразлично пожал плечами и, кивнув, отошёл.

Время, даже, несмотря на потихоньку убывающую водку, для Владика тянулось болезненно медленно, хотя его нарастающее беспокойство и нетерпение выглядели совершенно натуральными. И Колибри, по-хозяйски поглядывающий время от времени на столик, с понятным сочувствием отнёс их на счёт не пришедшей на свидание к клиенту девушки. Динамистка, другим словом. Которая, похоже, даже и не позвонила. Но дальше размышлять о перипетиях мужской судьбы Женя не стал. Работы было много. Хотя и выпускать из вида Владика он не собирался. Обманутый в лучших чувствах клиент мог впасть в опасное состояние, то есть начать медленно, но верно надираться без закуски. Поэтому Колибри, видя уже несколько расплывшиеся черты покрасневшего лица Владика, был в полной боевой готовности, когда тот опять позвал его к своему столику.

– Не пришла ведь, зараза, – несколько утрируя, сокрушённо произнёс Владик, обращаясь к Колибри. Тот скорчил понимающую рожу.

– Не пришла, – повторил Скрепкин и сделал вид, что собирается ударить кулаком по столу. Колибри чуть дёрнулся, будто в попытке его удержать. Но только чуть. Это ведь было всего лишь представление, которое они разыгрывали друг перед другом.

– Водки ещё принеси, – мрачно потребовал Владик.

– А может, закажете себе что-нибудь покушать? – с фальшивой заботливостью предложил Колибри. – Чего водку зря переводить?

Скрепкин упрямо покачал головой.

– Нет. Неси ещё водки. А есть не хочу, – Владик неожиданно полез в карман и, покопавшись, вытащил из него два билета. – Смотри. Видишь? Хотел её, дуру, в театр сводить. На суперкрутого режиссёра. Спектакль на малой сцене. Только для своей публики. Знаешь, сколько билет стоит? Охренеешь.

При виде билетов у Колибри в глазах моментально мелькнул интерес. Он с разрешения взял их и с любопытством рассмотрел.

– Так это на театр Сердюка? – с ноткой зависти спросил он.

Владик безразлично кивнул.

– Сердюк, Пердюк… Да какая разница? – Скрепкин сокрушённо покрутил головой. – Разве в этом дело?.. Говорю, неси водку. И закуску какую-нибудь простенькую.

Водку он вскоре получил и продолжил её с кислым видом пить, кося хитрым глазом в сторону Колибри. А тот Владика-то самого хоть из головы и выкинул, но вот про пропадающие билеты не забыл. Уж так ему хотелось на этот спектакль попасть. Даже не смущало, что со смены пришлось бы сорваться. Но, видимо, не судьба. Никакой убедительной при-

чины попросить Скрепкина продать ему билеты он не видел. Да и возможности пригласить кого-то с собой у Жени не было. С Ольгой он недавно вдрызг разругался. Надоело ему её нравоучения слушать: «Будь мужчиной да будь мужчиной!» Тьфу.

Наконец, Владик попросил счёт. Несмотря на выпитое, он выглядел на удивление трезвым и бодрым. И, уже протягивая купюры, набравшись храбрости, предложил:

– А может, если вы свободны, хотите присоединиться ко мне и пойти вечером в театр? Мне всё равно лишний билет продавать. А так, со знакомым человеком, оно вроде и веселее.

Колибри виду не показал, но чуть не подпрыгнул от радости. И стал копаться в карманах, чтобы отдать деньги за билет. Владик, естественно, отказался их брать, с оттенком иронии, называя невостребованную плату разновидностью чаевых. Мечта Скрепкина сбылась, он шёл на свидание с Колибри, хотя тот об этом и не знал.

…От Шекспира в пьесе остались только любовная интрига и главные герои, разнополые близнецы, но сделано всё было здорово. Динамично, остроумно, правда, сюжет был перенесён в наше время. И поэтому одна из героинь, в оригинале герцогиня, прекрасно знала, что влюблена в девочку, одетую мальчиком, а не путалась дура-дурой как у Шекспира, и вовсе не по ошибке спала с ней. А когда нашёлся, наконец, мальчик-близнец, обе девочки, старая и молодая, в развяз-

ке пьесы к всеобщей радости и безо всякого для себя ущерба сменили ориентацию. Вот такое торжество свободы нравов. Колибри от спектакля был в восторге. Он словно забыл, что практически не знает своего спутника, и по-мальчишески взахлёб делился впечатлениями, хватая в запале Владика за руки.

– Это ведь было круто. На самом деле круто, – повторял он и с удивлением думал, что современная интерпретация пьесы, возможно, по смыслу глубже, чем кажется на первый взгляд. Что для любви между людьми не так уж важен пол, потому что любовь беспола. Секс – это только физиологическое приложение, и вовсе не обязательное. Ведь любят же родители искренне своих детей. Но разве в этом чувстве есть что-то низменное, физиологическое?

Ну, а отношение к спектаклю Владика было и вовсе простое. Что хорошо для Колибри, было хорошо и для него. Впрочем, постановка в любом случае понравилась. Хотя и не наводила его ни на какие глобальные размышления. Так, ещё один стёб.

С тех пор они стали по-дружески встречаться. Владик скармливал Колибри билеты в театр и платил за это посещением спектаклей, смотреть которые он бы не стал и бесплатно. Но Женя, открытая душа, с неподдельным интересом и благодарностью воспринимал самые причудливые выкрутасы конкурирующих за зрителей режиссёров. И его отношения со Скрепкиным крепли. Тот был чуть старше, образо-

ваннее и умнее, а какому парню в глубине души не хочется иметь рядом надёжного товарища. И Владик им стал. Вскоре Колибри, сам не замечая, начал с нетерпением ждать, когда вечерком Скрепкин заглянет вроде бы мимоходом в ресторан и выпьет, болтая с Женей о пустяках, рюмочку коньяка с долькой лимона.

Знаете, иногда бывает, что, случайно встречаясь, люди, которые до того и знали-то друг друга не очень-то и хорошо, и не виделись много лет, вдруг на время объединяются по непонятной причине в общую компанию «не разлей вода», как будто чуть ли не родственники и ходили раньше на один горшок. Такие союзы обычно длятся не долго, но зачастую запоминаются своими вместе проведёнными и нескучными застольями. Однажды и у Скрепкина всплыли нежданно-негаданно какие-то знакомые знакомых со своими незнакомыми знакомыми и раз за разом стали зазывать его в гости. Владик поначалу отнекивался, но его новые друзья выглядели безобидно, похоже, никакой корысти в отношениях с ним не преследовали и были просто гостеприимны. И както раз он согласился поехать с ними на шашлыки, предупредив, что, возможно, приедет с другом.

Хозяином летнего домика, где они собрались, был грузин по имени Кахи. Он был традиционно хлебосолен и колоритен, работал кардиохирургом в престижном московском центре. И, бог ты мой, как здорово умел готовить шашлык. В общем, ни Владик, ни Колибри давно так вкусно не ели

и сладко не пили. Когда же веселье улеглось и прилично выпившие гости разбрелись кто в дом, а кто по машинам, Колибри естественным образом оказался в «лексусе» рядом с Владиком, и тот неожиданно для себя самого поцеловал Женю в губы. Тот совершенно по-девичьи отпрянул и прикрыл рот ладонью. В его глазах читалось откровенное изумление и, трудно точно сказать, кажется, затаённое облегчение. Очень хотелось бы написать: и тут они, счастливые, бросились друг другу в объятия. Или же, наоборот: оскорблённый поведением Владика Колибри хлопнул дверцей автомобиля и пешком, но с гордо поднятой головой потащился на электричку. Но всё было не так. Возникла тяжёлая, буквально ощутимая своим весом пауза. Ни тот, ни другой не знали, что делать. У обоих возникли вопросы, требовавшие ответа, а сделать вид, что ничего не произошло, было уже невозможно. Но надо отдать должное Владику. Он сумел быть одновременно и тактичен, и настойчив. А дальше события развивались по сценарию любой другой любовной истории и вряд ли нуждаются в детализации.

* * *

Колибри переехал жить к Владику, благо места в купленной на папины деньги квартире было более чем достаточно. Работу официантом он бросил и лишь иногда соглашался подзаработать на карманные деньги и покрутиться на элит-

ных фуршетах. Целиком ушёл в изучение гостиничного дела и засел за изучение английского языка. А вечером с нетерпением ждал, когда придёт Владик, и придёт ли он вообще. Его «библиотечный» бизнес отнимал много времени, и он частенько не приходил ночевать, хотя честно отзванивался и предупреждал об этом. Секретов между Женей и Владиком не было, и Колибри, конечно, знал об основном предназначении библиотеки. И не раз беззлобно и от души смеялся над наивной и безвредной Валентиной Викторовной. Он даже встречался с ней лично, когда как-то заезжал к Владику на работу. Она ему понравилась, но навеяла на грустные мысли. Ему вдруг стало обидно, что не она, а грубоватая и беспардонная проводница была его мамой. Ревновать Владика к кому-либо из сотрудников или клиентов ночной «библиотеки» Колибри даже и не думал. Такая мысль ему не приходила в голову. Ведь у него с Владиком была любовь.

А, следовательно, существующий в теории шанс Насти Кравчук захомутать Скрепкина был равен нулю. Анастасия была вполне хорошей девочкой из совершенно благополучной семьи. Она росла достаточно современной, в меру избалованной и взбалмошной, но в серьёзных вопросах прислушивалась к мнению родителей и добросовестно, тщательно скрывая отвращение, отучилась в МВТУ, получила ради мамы и папы заветный диплом. Но когда встал вопрос о работе по специальности, о необходимости «тянуть лямку», упёрлась рогом. И, так сказать, ушла в поиски себя. Родители

поскрипели зубами, поскрипели – и заткнулись. Впрочем, Настино непослушание ничем, по сути, ни ей, ни родительским чувствам не грозило. Их девочка, их принцесса прожила слишком спокойную и гладкую жизнь. И для того, чтобы решиться на что-то «из ряда вон», ей просто не хватило бы нахальства. У неё не было авантюрной жилки, чтобы пойти в модели или актрисы, стать дорогой шлюхой она брезговала. И её поиски себя вылились в основном в простое сидение сиднем дома. Но тут подвернулся Владик, который в первую очередь привлёк её внимание тем, к чему она, в общем-то, не привыкла, – полным равнодушием к её женским прелестям. Он Насте понравился, хотя и не до такой степени, чтобы её стала волновать его сексуальная ориентация. А затем выяснилось, что с ним легко дружить, он тот редкий человек, которому можно без лишних слов в плохую минуту уткнуться в жилетку. И когда Владик, мучаясь сомнениями, предложил ей взять на себя роль «мадам» в борделе для геев, Настя открыла от удивления рот, но согласилась. Она только не понимала, почему не кто-то другой, а именно она – традиционной ориентации женщина, а не мужчина, на что Владик безапелляционно заявил, что все геи втайне хотят быть в подчинении у женщины, эдакой мамы с большой буквы. Хотя бог его знает, откуда он это взял. Вот так у Вэвэ и сформировался штат сотрудников, а главное, значительно улучшились условия работы.

Деловые отношения Насти и Владика не всегда были без-

облачными. И всё из-за конопли, проклятого канабиса. Если по порядку, дело было так. Поначалу подвал здания графской конюшни Владик использовал только как склад. Туда от посторонних глаз в часы обычной работы библиотеки прятали роскошные напольные матрасы, постельное бельё и ширмочки, создающие клиентам необходимое уединение, hermitage, так сказать. А не менее нужные для хорошего времяпрепровождения закуски и напитки загружали в пресловутый, мозоливший Вэвэ глаза запертый холодильник в коридоре. Но в дальнейшем Скрепкин решил оборудовать внизу пару номеров класса «люкс» для VIP-клиентов, однако это, беспроигрышное на первый взгляд, начинание оказалось убыточным. В роскошных апартаментах клиентам было скучновато и не так прикольно, как среди стеллажей с книгами и портретом Ильича. Однако Скрепкин не уставал экспериментировать. Ему в голову пришла довольно рискованная идея выращивать в подвале коноплю, ни в чём неповинную, но когда-то попавшую под запрет сельскохозяйственную культуру. Тепла там было большую часть года достаточно и так, а провести освещение было сущим пустяком. Проблема заключалась в очевидном утяжелении ответственности партнёров по бизнесу перед УК РФ. Настя была категорически против. И они поссорились. До этого даже при всём своём доброжелательном отношении к Владику Настя в глубине души знала, что, если запахнет жареным, сумеет свалить вину на него, сведя свою роль к функции наёмного слу-

жащего, а ни в коем случае не организатора. Но если приплетут ещё и наркотики… Скрепкин же, наоборот, весь загорелся. Он утверждал, что риск невелик. Круг клиентов и мальчиков у них был не только узок и респектабелен, но и прошёл строгий отбор. Производить марихуану он собирался не на продажу, а только для своих, так сказать, для внутреннего пользования. Стоимость услуг заведения, конечно, возросла бы и, соответственно, возросли бы и доходы. В конечном итоге его точка зрения восторжествовала, и в подвале теперь стоял специфический запах. Но, как ни странно, он Насте, несмотря на то, что ей и в голову бы не пришло затянуться косячком, нравился. Скрепкин же на запах внимания не обращал. Он тоже вообще не курил, не нюхал, не кололся и внутрь никакую гадость не принимал. А клиенты были довольны.

Как и ничего не подозревающие рядовые читатели. Естественно, по другим причинам. Пополнять фонды Владик не забывал, да и об интересах книгочеев заботился. Всё было компьютеризировано, и в случае отсутствия нужной книги можно было не только узнать, у кого она в настоящий момент и когда должна вернуться, но и прочитать её, если приспичило, в электронном виде.

А у ночного заведения не было только вывески, хотя название, пускай шуточное, всё же было. «Жемчужный порт». Или просто порт. Так его прозвал Владик. А клиентов почему-то – японцами. Колибри съедало любопытство. При чём

здесь Япония и море? И насмешил однажды Скрепкина этим вопросом.

– Не море, а океан. Фильм такой голливудский есть. «Pearl Harbor». Жемчужный порт. Болезненная тема для янки. Место, где во вторую мировую войну японцы вставили американцам. Мужчины мужчинам, – рассмеявшись, пояснил он. – Хотя вообще-то название получилось случайно и без скрытого смысла. Красивое просто. Мирное. А «библиотеку» надо же как-то среди своих называть. Не Хиросимой же.

Понятно, что ни Владик, ни Настя вдвоём не могли потянуть обслуживание «порта». Первые недели они ещё как-то крутились, но при необходимости в дневные часы выполнять хотя и несложную, но всё-таки работу и просто находиться на рабочем месте быстро поняли, что долго не выдержат. Да и реноме заведения требовало, чтобы всё было организованно идеально. И штат «порта» начал расти. Поначалу появился охранник Дима, школьный учитель физкультуры, который, как вы помните, здоровался по вечерам с Вэвэ. Он привёл сменщика Костю, мрачноватого и страшненького с виду парня, в той же школе работающего учителей музыки. Парами прилетали на ночь помочь тщательно отобранные девчонки с филфака МГУ. Стоит отметить, что ни у кого из вышеназванных лиц не возникало мысли, что они участвуют в чём-то дурном. Ни продажная однополая любовь, ни курение «плана» их не смущали, были для них абсолютно личным делом каждой из участвующих в процессе сторон.

Страха засыпаться, в общем-то, ни у кого особенно тоже не было. Все были свои. Деньги капали исправно, никто никого не обижал, клиенты тоже не оставались внакладе. Хотя понятно, клятвы верности никто никому не давал, и давать не собирался. И если бы Фемида случайно или по глупости взяла кого-то за цугундер, то этот некто сдал бы всех без малейших колебаний и угрызений совести. К всеобщему удовлетворению «Жемчужный порт» процветал и оставался закрытым успешным клубом для избранных.

* * *

Дед, с облегчением вздохнул, увидев, что, наконец, Колибри вышел из библиотеки и сел в свою «мазду», и завёл автомобиль. В последнее время Женя всё чаще стал заезжать туда после учёбы, объясняя это тем, что ему там удобнее заниматься. Причина же, конечно, была не в этом, ему просто хотелось быть поближе к Владику, который, в свою очередь, вроде бы и радовался, а, с другой стороны, самого себя, стыдя за это, злился. Уж очень ему не хотелось, чтобы Настя или Вэвэ заподозрили истинную природу их взаимоотношений. Впрочем, Женя вёл себя совершенно обыденно и старался ничем не отличаться от других посетителей. Правда, не бросать время от времени далеко не индифферентные взгляды на Скрепкина всё же не мог. А кто такой Дед, Колибри вообще не знал.

Владик же, наверное, узнал бы в нём одного из нечастых, но щедрых клиентов «порта», хотя никакой особой информацией о нём не обладал. Знал только, что тот руководит фирмой по поставке и обслуживанию холодильных установок. Дед же среди «своих», то бишь клиентов «Жемчужного порта», был фигурой не совсем обычной. В миру Степан Андреевич Хвыля, он уже несколько недель присматривался к этой, с позволения сказать, библиотеке и её сотрудникам. Вначале его интересовала только фигура босса, Владика, с которым он намеревался в дальнейшем завести деловые отношения. Но, основываясь на солидном прежнем опыте, справедливо полагал, что его предложение о сотрудничестве не вызовет у того восторга. Хотя кого волновало его мнение? Дед умел быть убедительным. Но случилось нечто непонятное, и некоторые личные соображения заставили его отказаться от прежней идеи. И Дед, если точнее – Дед Мороз, не стал на Владика наезжать. Более того, начал по-тихому «крышевать» это учреждение, удивляя корешей незаинтересованностью в каком-либо «наваре». То есть делать это «безвозмездно», как сказала Сова в известном мультике.

Своё странноватое «погоняло» Дед получил на зоне, когда какой-то чересчур продвинутый начальник по воспитательной работе решил показать своим подопечным фильм «Морозко». А роль Деда Мороза в нём сыграл то ли народный, то ли заслуженный артист Хвыля, известный всесоюзный Дед Мороз, которому, естественно, было и невдомёк,

что он имеет честь быть однофамильцем тогда ещё мелкого криминального авторитета. Смеху на зоне, понятно, было много, но в результате Стёпа, вполне уважаемый человек, своё прежнее, довольно заурядное «погоняло» Колода потерял и обзавёлся новым, которое со временем превратилось из иронично сказочного во вполне респектабельное – «Дед». О своём прежнем криминальном прошлом Степан Андреевич вспоминать не любил и настоящие безотказно действующие связи не афишировал, так как всем сердцем стремился к «натурализации» среди современной, пережившей смутные времена, внешне законопослушной элиты.

В «библиотеку» он попал случайно. По зову тела, но случайно. Ему рассказал о ней один из его новых знакомых, немолодой, покрытый вислыми морщинами развратник, бывший инструктор райкома партии, отвечавший за работу с молодёжью. Прямо-таки вибрируя от распиравшей его новости, он нашептал на ухо, что есть, мол, такое местечко с хорошими, ещё не затисканными и не затасканными мальчиками. Оазис, так сказать, в пустыне. Да ещё и с необычным антуражем. И Дед это заведение посетил. Остался доволен. Не побрезговал и выкурить косячок. Но только на треть. Оставшуюся часть аккуратненько положил в карман и затем отдал на исследование своим ребятам в лабораторию соответствующего подразделения ФСБ. Очень ему хотелось узнать происхождение «травки». Выяснилось, что это «самосад», не совпадающий по составу ни с каким из известных

источников. Его пацаны потом чуть лоб не расшибли, пока выяснили, откуда идёт конопля. И только по чистой случайности, заглянув в мусорный бак «порта» и обнаружив остатки сухой, не пошедшей в дело травы, догадались, что библиотека-то сама и занимается растениеводством. И Дед понял, что напал на золотую жилу. То, что до сих пор на них никто ни из братков, ни из ментовки не наехал, было вообще чудом. Вот уж воистину новичкам везёт. И, как уже было сказано, Дед поначалу возымел к «библиотеке» чисто деловой интерес. Захотел, как нормальный человек, за приличную плату стать её «крышей». Но не стал. По двум соображениям. Первое, как ни странно, он их пожалел. Уж больно они были необычными. Дед, как никто другой, прекрасно понимал, что «крышевание», несмотря на свои преимущества, может запросто «спалить» подопечного. В этот требующий определённой организации процесс приходится вовлекать большое число разных людей. Надо делиться с ментами, прикрывать точку от конкурентов, пожарных, санэпидемстанции и прочих халявщиков. Неминуемы риски утечки информации и конфликты денежных интересов. Кончилось бы всё заурядным образом, заведением уголовных дел или, хуже того, членовредительскими разборками. В результате пострадали бы не только материальные интересы Деда, но и, самое главное, «Жемчужный порт», который бы наверняка прикрыли. Конечно, его можно было бы потом и восстановить, и доходы он снова начал бы приносить. Но разве

дело только в деньгах. Это был бы уже не настоящий «порт», а так, имитация. Не тот «Мулен Руж», в котором сидел Тулуз-Лотрек.

Второй же причиной того, что оазис продажной однополой любви остался нетронутым, как ни парадоксально, оказался Колибри. Дед увидел его случайно вечером у библиотеки. Женя вышел вместе с Владиком и, прощаясь, окинув быстрым вороватым взглядом окрестность, легонько чмокнул того в губы. И Дед вдруг возжаждал заполучить этого юношу себе. Он стал за ним следить и скоро понял, что Колибри – совершенно чистое неиспорченное создание и никакого отношения к мальчикам «порта» не имеет, что живёт он вместе с Владиком, и у них самые настоящие серьёзные отношения. А проще говоря, любовь. И когда Дед это осознал, то понял и другое, нечто новое для себя: ему не просто хочется Женю, а он в него влюблён. И был уверен, что достоин взаимности. А что же делать со счастливым соперником? При опыте и связях Деда вопрос в принципе решался легко. Скрепкин мог попасть в аварию, на него могли напасть бандиты, его можно было просто сдать ментам за содержание притона, вовлечение в проституцию, в производство и сбыт наркотиков. Но всё это было как-то не «по понятиям». Колибри сам должен был сделать правильный выбор. Хотя об этом пока ничего не знал.

* * *

Настя тоже обратила внимание на знакомого Владика Женю. Тот был такой забавный. Небольшого роста, шустрый и улыбчивый, он одним своим появлением благоприятно влиял на атмосферу читального зала. В его присутствии каким-то мистическим образом становилось хорошо. Да, есть такая категория людей, которым достаточно появиться, чтобы стало спокойнее, чтобы вдруг спало висевшее до этого напряжение, и те, кто ещё минуту назад хотели поубивать друг друга, находили причину повременить и даже, возможно, совладать со своим низким желанием. Колибри был таким. Хотя ничего особенного для этого не делал, был самим собой.

Каждый раз, размахивая сумкой с учебниками, он вольно вваливался в библиотеку и, бросив эту сумку на ближайший стул, кланялся, громко приветствуя присутствующих. Что заставляло тех, кого с улыбкой, кого с недоумением, оглядываться, а Вэвэ или Владик, как всегда, делали ему замечание. На этом ритуал заканчивался. Когда Колибри не грыз гранит науки, он с восторженно распахнутыми глазами болтал о чём-нибудь с Настей. Та безошибочной женской интуицией распознав, что у Владика ей ничего не обломится, вначале от скуки, а потом не без интереса обратила взор на Женю, которого Скрепкин представил как двоюродного брата и друга,

поселившегося у него на время учёбы. Колибри, которому, несмотря на роман с Владиком, не могло не льстить внимание хорошенькой девицы, начал с ней всё более заигрывать, чем запутал до того абсолютно невинные взаимоотношения сотрудников библиотеки. Слава богу, хоть Вэвэ ни в кого не была влюблена, но, на беду, и та желала поучаствовать в регулировании их личной жизни. Она же ведь мечтала сосватать Настю за Владика, и никакой Женя, который вообще, может, безродная «лимита», в расчёты не брался. А Кравчук вместо того, чтобы, как хотелось бы Вэвэ, грамотно повести кампанию по завоеванию Скрепкина, повелась на всё более явное «охмурение» Колибри. Что не могло не поставить на повестку дня терзавший Владика вопрос: кто мог дать гарантию, что лживая и переменчивая человеческая природа не потеснит его образ в сердце Жени? И Скрепкин начал самым постыдным образом ревновать и даже мелочно придираться к Колибри. Тот же, верно догадавшись о причине такого поведения Владика, и зная, что страхи того беспочвенны, вместо того, чтобы просто объясниться, то ли из шалости, то ли по глупости продолжал кокетничать с Настей. А та, в свою очередь, всё больше принимала эти их отношения всерьёз.

Хуже всего было то, что эти безвредные божьи создания и не подозревали, что Дед Мороз уже пришёл и нашёл свою «Снегурочку».

* * *

Степан Андреевич припарковал свою «ауди» невдалеке от «мазды» Колибри и потянулся за сигаретой. Свою машину он любил, и любил управлять ею сам. Он давно прошёл этап, когда разъезжал с шофёром в окружении телохранителей и машин охраны. И совершенно сознательно от всего этого, вызывающего раздражение окружающих, отказался, поняв, что никакого выигрыша во времени эти кортежи не дают. А охрана лишь создаёт иллюзию безопасности. Доверяющий ей подобен ребёнку, который утыкается в ноги матери, прячась от воображаемого врага. Дед не сомневался, что, если кто-то захочет его убить, защитить его, кроме него самого, никто не сможет. Вопрос заключался не в том, насколько профессиональна или нет охрана, а в том, насколько сильна мотивация недругов. Если она окажется достаточной, то рано или поздно чьими-нибудь руками, неважно – профессионала или любителя, цель будет достигнута. Так зачем суетиться? Придя к такому фаталистическому заключению, он предпочёл не столько защищаться от врагов, сколько их не наживать. Но, если требовали обстоятельства, не отказывался и от войны. И вёл её жёстко. Но при этом всегда повторял своим бойцам, что всю жизнь играть мускулами и ухилятися (ему нравилось это украинское слово) от пуль бесперспективно. Надо заниматься каким-нибудь нормальным

делом. Десять или одиннадцать классов были у всех, а значит, необязательно только уметь махать кулаками. Вон Билл Гейтс какое состояние нажил, а даже высшего образования не получил. Поэтому все его пацаны были пристроены при легальных делах, хотя он, конечно же, всячески поощрял посещение ими спортивных залов. В общем, был сторонником здорового образа жизни.

За годы, проведённые на зоне, Дед не только многому научился, но и многое понял. И многое в себе самом невзлюбил. Начиная с разукрашенного наколками тела. Особенно недолюбливал эти последние, в духе моды, художества в виде православных церквей с луковками и крестов. Слава богу, ему хватило ума оставить чистыми кисти рук и шею. И то случайно. Он тогда ещё только вышел из категории малолеток и, естественно, хотел поскорее стать таким, как все серьёзные люди. Но один старый вор ненавязчиво намекнул ему:

– Колоть себе на пальцах перстни или прочую дребедень – это всё равно что на воле ходить с плакатом «Смотрите все, я только откинулся».

Но даже и сейчас Дед страдал, что не может сходить в сауну с приличными людьми, и вынужден придумывать, что плохо переносит жар. Да и не каждая дама, или не совсем дама, а, так скажем, партнёр, приходили в восторг, увидев его во всей красе. Был, кстати, в этой нелюбви к наколкам и странный посторонний элемент. Дед родился в Тамбове,

куда как русском месте, и вырос русским среди русских, хотя и носил украинскую фамилию. Уже, будучи авторитетом, неизвестно почему, в результате какого-то витка самоидентификации стал считать себя украинцем и всячески поддерживать бандеро-мазеповские националистические идеи Малороссии. Более того, некоторые из его наколок стали раздражать его не столько фактом своего существования, сколько православной направленностью. Дед, в принципе абсолютный безбожник, стал вдруг считать себя униатом, а значит, ни больше ни меньше, как подчинённым Папе Римскому.

Женя зацепил его крепко. Так крепко, что Дед сам себе диву давался. Как и собственному бездействию, отсутствию со своей стороны какой-либо инициативы. Всё-то про Колибри он уже знал, и про его мать, и непутёвую сестру, и про учёбу в университете, и, главное, про любовь с Владиком. Для завоевания Жени не видел никаких значимых препятствий. Мог просто грубо наехать и силой или шантажом добиться своего. Но ни о каком таком он и не думал. Деда замучили сомнения другого рода. Может, постарел. Или стал сентиментален. Не так уж много, в конце концов, на его жизненном пути попадалось людей, у которых всё было хорошо. Просто хорошо, и всё. Безо всяких заморочек. А Дед, похоже, увидел в отношениях Владика и Жени некую гармонию и не решался её нарушить. Он когда-то, давным-давно, ещё маленьким пацаном ездил единственный раз в жизни на мо-

ре с родителями. Это был короткий, никогда больше не повторившийся в его судьбе момент счастья. Но отпуск кончился, и Стёпа, грустный, но счастливый, стоял на приступке в коридоре вагона, выглядывая в окно в ожидании отправления. А невдалеке, напротив, на лестнице перехода между перронами, стоял другой мальчик, постарше, и с любопытством его разглядывал. А когда Стёпа, переполненный любовью ко всему миру, ему улыбнулся, тот расчётливо и точно плюнул ему в лицо. И поезд тронулся. Этот плевок Дед так и продолжал на себе носить в течение всей своей жизни. Но с тех пор возненавидел тех, кто из зависти или ради собственной прихоти осмеливался нарушить принадлежащую другим гармонию или красоту.

* * *

Последнее время Женя заскучал. Долбить пособие Кабушкина по гостиничному менеджменту поднадоело, да и не было в нём, на его взгляд, ничего такого уж мудрёного. Знания давались Колибри легко, и можно было только пожалеть, что раньше никто не привил ему ни тяги к получению их, ни привычки учиться. Поэтому он, на лету схватывая суть, на уровне деталей начинал вязнуть и скучать и, не вникая в дальнейшие подробности, частенько предмет изучения бросал. По этой причине ему больше всего нравилось то, где результаты обучения сказывались быстрее всего, например,

иностранные языки.

В личной жизни наступил период некоторого застоя. Чувства к Владику не изменились, но мужская сущность Жени начала протестовать против роли верного супруга при общем хозяйстве. Ему захотелось, чтобы в тихой гавани их взаимоотношений хотя бы иногда дул штормовой ветер, напоминая, что абсолютная стабильность бывает только в гробу. Шутки ради, он начал дразнить Скрепкина заигрыванием с Настей, а затем, хоть это и грешно, не мог не забавляться, видя, как тот вдруг заревновал. Что, к удовлетворению Колибри, несколько обострило и освежило их переживавшие застой отношения. Но и Настя не могла стать решением проблемы. Она была слишком близко, и рано или поздно ей пришлось бы понять, что никакого серьёзного интереса у Колибри к ней нет. И, вероятно, это её очень бы обидело. Женя не желал этого. Во-первых, потому что Настя ему действительно нравилась, а во-вторых, не хотелось ставить интересы бизнеса под угрозу из-за возникновения между партнёрами личной неприязни. Работая и дружа с геями, заподозрить, что совместное проживание Жени и Владика не просто любезность, оказанная одним кузеном другому, было не так уж сложно. Если женщины и так не очень любят соперниц своего пола, то, что же говорить о ситуации, когда «соперницей» становится мужчина. Жене вовсе не светило стать клином, вбитым между Скрепкиным и Кравчук.

* * *

Вечер был хмурый и промозглый, как и ничем не примечательный до него день. Владик припарковал машину рядом с домом и, бросив взгляд на окна квартиры, с облегчением вздохнул. Был виден свет, значит, Колибри дома. Через пару часов Скрепкину надо было отъехать на важную встречу, а пока ему хотелось немного покоя и отдыха, и он намечтал, что проведёт время с Женькой. Он позвонил в дверь раз, потом другой, но никто не открыл. Чертыхнувшись и подумав, что Колибри плещется под душем и ничего, как обычно, не слышит, Владик полез за своими ключами и, с минуту поковырявшись, открыл дверь. К его удивлению, из-под двери в ванную не выбивался свет, в квартире стояла полная тишина. «Спит он, что ли?» – подумал Владик и, аккуратно поставив, дипломат и повесив, стараясь не шуметь, плащ, неслышно двинулся в сторону спальни. Она была пуста. У Скрепкина сразу испортилось настроение. Этот поганец не только куда-то, не предупредив, смылся, но и так торопился, что не выключил свет. Владик плюхнулся в кресло и от скуки включил телик. Почти по всем каналам показывали очередные серии бесконечных сериалов. С досады цыкнув, Владик полез в бар и с неудовольствием отметил, что, как назло, и коньяк тоже кончился. Зато в холодильнике была водка, и, поколебавшись секунду-другую, Скрепкин направил свои

стопы на кухню. Там, как-то неестественно свернувшись калачиком, в луже крови лежал Колибри.

Его грудная клетка, из которой торчал знакомый Владику его собственный кухонный нож, редко и вяло колебалась, вызывая появление изо рта неслышно лопающихся кровавых пузырей. Это был финал агонии. Женя был уже практически мёртв. Скрепкин на мгновение окаменел, затем бросился к Колибри. Он повернул его на спину, не замечая, что пачкается в крови, и приподнял его голову. Глаза уже были безжизненны. Чёрная волна безысходного горя начала неотвратимо обрушиваться на Владика, хотя какая-то часть мозга, захлёстнутая потоком пустых и суетливых мыслей, отчаянно сопротивлялась и отказывалась принять случившееся. Он зачем-то вытер Колибри окровавленный рот и тут же брезгливо бросил испачканное полотенце на пол. А затем вообще застыл как истукан. После нескольких секунд, а может, минут полной прострации, он, наконец, взял себя в руки и набрал номера милиции и «скорой помощи».

И те, и другие приехали довольно быстро с интервалом в несколько минут. Медики сразу заявили, что им здесь делать нечего, а криминальный труп – это дело милиции. Менты, проведя ни шатко ни валко необходимые процессуальные действия и опросив как-то в одночасье отупевшего и безразличного ко всему Скрепкина, не мудрствуя лукаво, забрали его, как главного подозреваемого, с собой. Не надо было им быть великими сыщиками, чтобы заподозрить в преступле-

нии испачканного в крови человека рядом с трупом в квартире, не носящей следов взлома и проникновения посторонних лиц. Альтернативной кандидатуры у них не было, а опыт говорил, что первое впечатление, оно зачастую самое правильное.

Допрашивал Скрепкина следователь Безруков Вадим Иванович, откровенно равнодушный к своей работе немолодой служака, который, досиживая до пенсии, механически исполнял свои обязанности, доверяя интуиции и мнению оперов. Впрочем, у Вадима Ивановича это было даже не признаком равнодушия и эмоциональной тупости, а скорее проявлением пофигизма как некой защитной психологической реакции на сущность работы. Но при этом он обладал бесценным качеством. Стремлением, несмотря на обстоятельства, сохранить хотя бы подобие объективности. Он никогда не ставил цель посадить подозреваемого или, наоборот, отпустить с миром. Хотя, конечно, если на него давило начальство, особого сопротивления не оказывал, придавая делу, так сказать, соответствующее нужное направление. Но делать это не любил и случаи такие избегал, благо всегда находились коллеги, готовые на очень даже многое, включая фальсификацию, ради того, чтобы выслужиться перед начальством. Поэтому к подозреваемым, которых он прежде лично не знал и которые раньше не успели засветиться по криминальным базам, относился без предубеждения и, сам об этом не подозревая, соблюдал принцип презумпции неви-

новности. А не верить Скрепкину у него никаких оснований не было. История о том, что у него поселился на время учёбы друг, у которого, что не редкость, были далеко неидеальные жилищные условия, характеризовала Скрепкина только с лучшей стороны. Потерпевший и подозреваемый не были родственниками, никаких финансовых взаимоотношений, которые могли бы стать причиной конфликта, у них не было, а трений по работе вообще быть не могло. Один был студентом, а другой – библиотекарем. Никаких данных о злоупотреблении фигурантами дела алкоголем или наркотиками, как о распространённой причине бытовых преступлений, не было. И, если всё-таки не сбрасывать со счетов Владика как подозреваемого, то единственным логичным и даже очень древним мотивом конфликта между мужчинами, по мнению следователя, могла стать женщина, а проще баба, которую не поделили. И эта версия не могла не начать разрабатываться. Поэтому Безруков в первую очередь ждал информацию о личной жизни Скрепкина и Колибри и результаты дактилоскопической экспертизы орудия убийства.

Отпечатков пальцев на кухонном ноже не было. Его ручка была тщательно вытерта и, судя по следам пищевого жира, посудным полотенцем, которое было найдено рядом с телом. Тем самым, которым, как утверждал Скрепкин, он вытер Колибри окровавленный рот. И это отсутствие отпечатков естественным образом свидетельствовало в пользу его (Скрепкина) невиновности. Если, конечно, не принимать во

внимание невероятную возможность наличия у того хитроумного и коварного плана, придуманного и осуществлённого, чтобы уйти от ответственности за содеянное. Мол, взял назло всем вам и вытер нож, убрав, таким образом, главную улику. А следы крови на одежде сами объясняйте. Он ведь не скрывал, что подходил к трупу и трогал его. Но в чрезмерную хитроумность нарушителей закона Безруков не верил. Он любил читать детективы и для забавы, тайно пользуясь их уроками, иногда пытался ставить себя на место преступника. Правда не для того, чтобы восстановить картину преступления и найти виновного. А, наоборот, Безруков искал наиболее безопасный путь совершить преступление, чтобы убедить себя, почему подозреваемый не мог этого сделать. В случае Колибри, априори предположив, что у Скрепкина есть мотив, он, опираясь на свой опыт, считал, что совершенно бессмысленно совершить убийство и тут же вызвать милицию, если не хочешь сразу явиться с повинной и покаяться. Убийце после совершения преступления, переодевшемуся и подчистившему за собой следы, куда логичней было бы смыться, чтобы потом засветиться в каком-нибудь людном месте, например, кабаке. И чем позднее бы он в дальнейшем «обнаружил» труп, тем крепче было бы его алиби. Хотя и такой сценарий был не без изъянов. Поэтому, мысленно предположив некую более безопасную для убийцы схему преступления, которой должен был бы руководствоваться не глупый подозреваемый, и не найдя объяснения факту, по-

чему Владик сразу вызвал милицию, следователь склонялся к мысли, что тот скорее невиновен, чем виновен. Кстати, в квартире были найдены отпечатки и третьих, правда, неизвестных лиц.

* * *

Для библиотеки убийство Колибри и задержание Владика стали настоящей трагедией. Вэвэ теперь не расставалась с валокордином и ходила с опухшим от слёз лицом. Но, как ни странно, именно она проявила волю и, вспомнив, что у Скрепкина на белом свете никого, кроме бабушки, нет, задействовала связи сына и нашла Владику самого что ни на есть лучшего адвоката, правда дорогого. Как и следовало ожидать, ей и в голову не могло прийти, что Скрепкин может быть виновен, поэтому она встретила в штыки приход, как она выразилась, татаро-монгольского ига в лице азиатского вида опера из убойного отдела Игната Назырова. Тот, впрочем, привык к такого рода приёму, а, в принципе, вне пределов профессии был просто лапочкой для дам и своим парнем для мужчин. Но в данном случае встретились на реке Калке, то бишь территории библиотеки, лапочка-татарин и душка-русская. Разговор с Вэвэ Игната в целом позабавил, особенно, её горячая защита интересов Скрепкина, восхваление его личных качеств и, главное, бесконечные восторженные упоминания о его значительной и бескорыстной помощи

библиотеке. Последний факт не мог не заинтересовать, и Назыров пометил себе на всякий случай выяснить происхождение денег Скрепкина, чтобы быть уверенным, что здесь не пахнет криминалом. Но, забегая вперёд, скажем, что в вопросе происхождения капитала Владика, Назырову ничего не обломилось. Официально деньги достались Скрепкину от безвестной старушки, очень дальней одинокой родственницы, тихо скончавшейся от рака желудка в хосписе. Откуда же было Назарову знать, что папаша Владика, не прилагая особого труда, разыскал в ближайших домах престарелых заброшенную, никому не нужную умирающую старуху, не подозревавшую, что отныне, кроме бесхозного дома-развалюхи в деревне, она стала обладательницей более чем крупного счёта в банке. И которая согласилась отписать своё движимое и недвижимое имущество мифическому двоюродному племяннику за несколько последних недель или даже месяцев более или менее нормальной человеческой жизни в хорошем хосписе.

Не удалось Назырову найти и никаких доказательств существования каких-либо разногласий и конфликтов между Скрепкиным и Колибри, которого библиотекарша, хоть и поверхностно, но знала лично как абонента и о смерти которого искренне сожалела.

А заплаканная Настя была даже красивее незаплаканной. И Назыров, нехорошо так говорить, хоть это и, правда, фальшиво изображая служебное рвение, образно говоря, присо-

сался к ней, как пиявка. И то ему было интересно, и это… И адрес, конечно, он её выяснил, и телефон. Только толку от всего было ноль. Типичный случай, когда о покойном только или хорошее, или ничего… Да, он, Колибри, Насте нравился, они немного флиртовали, перемигивались, перешучивались. И что? Да, со Скрепкиным, подтвердила девушка слова Вэвэ, Колибри дружил. Да, даже жил у него. И что?..

Для Назырова это был очередной тупик, хотя Настя как нельзя лучше подходила бы на роль Елены Прекрасной, ставшей некогда причиной конфликта между мужиками. Игнат, конечно, понимал, что опрашиваемые или допрашиваемые им люди всегда частично врут или скрывают информацию, и считал это нормальным. И в разговорах с Вэвэ и Настей не увидел ничего такого, что выходило бы за рамки объяснимого желания не впутываться в историю или защитить свою частную жизнь.

* * *

Назыров не любил ходить на похороны, но куда деваться. Участие в них облегчало поиск круга знакомых покойного и других заинтересованных лиц. Поэтому он, зябко поёживаясь, стоял с двумя гвоздиками в реденькой толпе пришедших проводить Евгения Калибера в последний путь. Была какая-то крупная, базарного вида женщина средних лет с трагически закаменевшим лицом, видимо, мать. Рядом с

ней, опираясь на руку полного, по виду насквозь пропитого мужика, тщетно пытавшегося проявить заинтересованность происходящим, стояла женщина помоложе с желтовато-чёрным старым фингалом под левым глазом, сестра Колибри. Её спутник курил сигарету, и Назыров механически отметил, что он правша, а значит, украшение под глазом спутницы, скорее всего, было подарком от него. Стояли сплочённой кучкой несколько молодых девчонок и парней из торгово-экономического университета, в котором учился Женька. Их лица не выражали скорби. Было, похоже, что они пришли из чувства долга, дабы «отмотать» и смыться. Временами они как бы незаметно подталкивали себя плечами и перемигивались, явно собираясь поскорей пойти и выпить за упокой души убиенного. Была группка людей посерьёзней и разного возраста, которые, в отличие от студентов, искренне сожалели о покойном и, как выяснилось, раньше работали с ним в ресторане. Была ещё пара-тройка людей непонятного происхождения, которые всегда почему-то оказываются на подобных мероприятиях. И, конечно, плачущие Вэвэ и Настя. А в отдалении, мрачно уставив взгляд в землю, стоял Скрепкин. Его только что отпустили из СИЗО, потому что адвокат сумел убедить следствие в отсутствии достаточных оснований для ареста. И, как бы, между прочим, намекнул, что и дело само по себе невыигрышное. Шума вокруг никто поднимать не собирался. Звёздочку за него тоже никому бы не дали. Так что, если б душа Колибри следила с небес за

происходящим, то с удивлением бы обнаружила, что в соответствующих органах МВД поисками его убийцы особенно не парятся, и если дело ляжет «под сукно», никто волосы на себе рвать не будет. Да и начальники вдруг заговорили, что улучшение статистики раскрываемости вовсе не самоцель.

Впрочем, если отвлечься от чисто профессиональных интересов, то в реальности были не один, не два, а целых три человека, заинтересованных в поисках преступника. Первым был Скрепкин. Но он и сам ещё не полностью осознал свои чувства. А это были не просто суррогатные фантазии об очень или не очень кровавом сведении счетов, а холодное и прагматичное желание найти и убить виновного. Вторым, по соображениям далёким от юриспруденции, был Назыров, который был заинтересован в расследовании только потому, что положил глаз на Настю и хотел иметь легальную причину продолжать с ней отношения. И было очевидно, что торопиться в поисках он не собирался. Третье лицо также присутствовало на похоронах. Оно затесалось в ряды официантов и поэтому ускользнуло от внимания Игната. И этому лицу ох как хотелось встретиться с убийцей.

Утомительная процедура проводов человека в последний путь тем временем подходила к концу. Потихоньку и с плохо скрываемым облегчением провожающие начали расходиться. Игнат, отойдя в сторону, продолжал наблюдать, сосредоточив взгляд на Скрепкине и Насте. К его удивлению, Владик лишь на минуту подошёл к девушке и Вэвэ и, перекинув-

шись несколькими фразами, их оставил. Будто бы они посторонние и он даже не работал с ними. Выполнил, как принято, свой долг, сказал знакомым что-то приличествующее случаю, и всё. Потом Скрепкин подошёл к матери Колибри и что-то долго эмоционально и искренне ей говорил. Было заметно, что его слова явно дошли до безучастной в горе женщины, и она несколько раз ему благодарно кивнула.

Назыров полагал, что сотрудники библиотеки уйдут вместе, но этого не произошло. Скрепкин, на прощание, махнув рукой и не предложив дамам их подвезти, укатил куда-то по своим делам. Это вовсе не огорчило Игната. Во-первых, безразличное отношение друг к другу Владика и Насти убедительно свидетельствовало о том, что между ними ничего внеслужебного нет, а, следовательно, отпадал мотив ревности Скрепкина к Колибри из-за девушки. А во-вторых, что для сыщика было гораздо важнее, Назыров мог теперь вызваться подвезти Настю, правда, получив в нагрузку и Вэвэ.

И, наверное, из-за наличия последней поездка получилась мрачнее, чем могла бы быть. Валентина Викторовна была насуплена и вместо благодарности за халявную подвозку с нескрываемой недоброжелательностью поглядывала на Игната, хотя тот, сажая их в «тачку», без сомнения проявил чистой воды жест доброй воли. Усталая же Вэвэ, которая, отстояв на похоронах, успокоилась и посчитала, что выполнила свой долг перед покойным, по правде говоря, попросту не любили ментов ни татарского, ни монгольского, ни русско-

го происхождения. Она им не доверяла, хотя никакого собственного опыта общения с ними у неё не было. Зато сколько она о них всякого слышала… И в машине, подавляя всех своей физической (весом) и административной (всё-таки заведующая) значимостью, за всех говорила в основном она, нудно и без причины настаивая на том, чтобы Назыров ни в коем случае не вёз женщин домой, а высадил у ближайшего метро. Эти словоизлияния по мере удаления от кладбища повторялись в одинаковых выражениях практически у каждой станции, благо в Москве их сейчас навалом. Но Назыров стойко терпел. Даже сделал крюк, чтобы отвести далеко живущую Вэвэ первой. А Настя в основном помалкивала, сжавшись, как мышонок, в уголке сиденья машины. Впрочем, гибель Колибри хотя и сильно её огорчила, но смертельной раны не нанесла. В связи, с чем она испытывала беспричинные, но болезненные приступы угрызений совести. И думала о том, что когда-нибудь тоже умрёт, и никому, кроме самых близких родственников, до этого никакого дела не будет.

Дорога от Вэвэ до дома Насти была совсем не такой долгой, как хотелось бы Назырову. Надо было что-то предпринимать, но он, не придумав пока ничего лучшего, просто разглядывал девушку в зеркальце заднего вида. А та, в свою очередь, хоть и не скрывала, что заметила его взгляды, сидела с безразличным видом, как будто ехала в такси. Игнат удивлялся самому себе. Никогда раньше он не терялся в присутствии красивых женщин, а тут почему-то не решался начать

обычный, ни к чему не обязывающий трёп, служащий прелюдией для более близкого знакомства. А ведь время было ограничено. Сколько бы в Москве не было пробок, но в результате Настя, хлопнув дверью и бросив на прощание какую-нибудь ненужную фразу, ушла бы. Поэтому Игнат, не говоря ни слова, неожиданно вырулил на обочину и остановил машину. Девушка с удивлением и внезапно появившейся злинкой в глазах взглянула на него.

– Что случилось, господин мент? – спросила она, впервые за всю дорогу обратившись непосредственно к нему. – Бензин кончился? Так вон автобусная остановка. Доеду и так. Привыкла.

Настя, конечно же, понимала, что сыщик неровно к ней дышит. И смысл того, первого, чересчур длинного, изобилующего ненужными вопросами «допроса» тоже был ей понятен, как и смысл украдкой бросаемых во время поездки взглядов его по-мужски нагловатых, чёрных и внимательных глаз. Впрочем, объективности ради следует заметить, что Настя также обратила внимание на то, что Назыров вполне привлекательный мужчина.

В жизни Настя, как и Вэвэ, с милицией, если не брать в расчёт работников ГИБДД, никогда не сталкивалась, но какое-то представление о ментах благодаря телевизору, в котором частенько показывали интервью с милицейскими чинами, всё-таки имела. Правда, девушка не столько слушала чиновничьи глупости, сколько, как в кунсткамере, разгляды-

вала объекты, их вещавшие. И сделала вывод, что, если не считать Нургалиева и ещё некоторых, то вес и размер живота ментов пропорционален их чину. Что соответствовало и её предыдущему наблюдению о военных. Что-то вроде того, что наблюдалось и, наверное, наблюдается в республиках Средней Азии, где, чем важнее бай, тем больше пузо. Только жаль, что менты не научились, как там, ставить себе по чину золотые зубы. А то, представляете, как было бы здорово и удобно их различать. И погон не надо. Сколько звёздочек, столько и золотых фикс. Пасть открыл – и всё понятно. А Назыров имел всё-таки не халам-балам, а звание капитана, и, по Настиной логике, должен был быть вполне откормленным кабанчиком. Но Игнат кабанчиком не был. Он был спортивен и лёгок в движениях. Его без труда можно было представить танцующим какую-нибудь сальсу, а не сидящим, пыхтя и упираясь животом в край стола, в служебном кабинете. Да и лицо у него было ничего. Такая интригующая смесь кривляющейся обезьянки с невозмутимым татарским ханом.

Но в Настины планы не входило, только отойдя от могилы Колибри, приятеля, чуть не ставшего кем-то большим, затевать интрижку с малознакомым мужчиной, к тому же ментом. А тут ещё и неприязнь к нему начальницы сыграла роль. Люди – они ведь, как собачья стая, если начинают лаять, то все вместе. Поэтому вероятность, что Назырову ничего у Насти не обломится, была весьма высока. Даже мог нарваться и нарвался на то, что является самым противным и обидным

для мужчин, на женское хамство.

Игнат даже растерялся от вопроса Насти, поставленного в такой негативной форме. Он не понимал причины, зачем так откровенно демонстрировать отрицательное отношение. В конце концов, он вёл себя с этими двумя дамами вполне корректно. Да и в связи с расследованием ни одной из них его присутствие ничем не угрожало. Так какого чёрта? Он понимал, что мог просто не нравиться Насте как мужчина, но зачем из этого устраивать шоу? И вообще, если уж на то пошло, зачем злить мента? Это ведь, как минимум, недальновидно.

– Нет, госпожа инженер-радиоэлектронщик, она же уборщица в библиотеке, бензин у меня не кончился, – с иронией, прикрывающей раздражение, сказал он. – Но двери машины открыты, и, если хотите, можете дальше добираться сами. Мне, честно говоря, и так хватило присутствия вашей начальницы, которая не пожалела усилий, чтобы продемонстрировать мне своё «фэ». И вашего отдельного «фэ» мне не требуется.

Перегнувшись через спинку сиденья, Назыров распахнул заднюю дверь. Настя, внезапно почувствовав себя полной дурой, было дёрнулась к выходу, но замешкалась. Глупо конечно, но бывает, что длинные и стройные ноги тоже мешают. И она вдруг представила, как неуклюже будет выглядеть, когда начнёт двигать в сторону попу, подтягивая вслед за ней ноги. И так попеременно. Попа–ноги, попа–ноги. Сла-

ва богу, хоть юбка не была очень короткой. А то ведь этот гад продолжал её сверлить своим чёрным глазом. Нет, чтобы интеллигентно отвернуться. Одно слово – мент. Настя даже набрала воздуху, чтобы сказать Назырову какую-нибудь колкость, но вместо этого неожиданно для себя спросила:

– Так какого же чёрта вы, капитан, как вас там, Турсунзода или ещё какой-нибудь Зода, остановились?

– С вашего позволения, мадемуазель, моя фамилия Назыров. Турсунзода, если не ошибаюсь, был таджикским поэтом. А я татарин, – с лёгкой издёвкой прокомментировал Игнат и добавил: – А вот звание вы запомнили правильно. Хотя вообще-то меня зовут Игнат.

– И на фига мне ваше имя? – продолжая злиться, спросила Настя.

Назыров какое-то время молчал. Наверное, чтобы прибавить себе солидности, как с оттенком презрения подумала девушка. Но тот просто собирался с духом и, наконец, проговорил:

– В принципе это, как вы сами решите. Может, и в самом деле на фиг не нужно. Просто я бы хотел, чтобы вы видели во мне не только мента. А остановился только для того, чтобы сказать, что вы мне нравитесь, и я бы хотел вас видеть не только в силу служебной необходимости. Видите ли, я боялся, что мы приедем, а я так и не успею ничего сказать.

Услышав эту тираду, Настя почувствовала себя ещё большей дурой. И в самом деле, что она из себя строит? И чем

он ей насолил? Ведь ничем. Нормальный, даже симпатичный мужик клеится к бабе. То есть к ней, Насте Кравчук. Что ж тут такого? Она же не Вэвэ. Но, тем не менее, её глаза продолжали сердито гореть, а губы презрительно сжиматься, превращая рот в тонюсенькую чёрточку. Однако выходить она почему-то передумала. Захлопнув дверь машины, Настя снова поудобнее уселась и, по-куриному нахохлившись, строго проговорила:

– Поехали, капитан. Сегодня плохой день для развития случайного знакомства.

Назыров грустно усмехнулся и, заводя машину, проговорил:

– Знаете, Настя, это ведь только одному богу известно, какой день и для чего хороший или плохой. Мне было одиннадцать лет, когда умерла бабушка, и я в первый раз побывал на похоронах. Эта процедура оставила у меня тяжёлый осадок. И потом на поминках я всё время подходил к матери и отцу и по очереди обнимал их, как будто хотел лишний раз удостовериться, что они живы. День похорон – это день, когда мы начинаем ценить живых, и, может, единственный, когда не лицемерим, говоря о чувствах.

Сердитое и неприступное выражение сошло с Настиного лица, и оно снова стало печальным.

– Женьку жалко. Ты сумеешь найти его убийцу? – спросила она.

Назыров не мог не заметить и не оценить, что девушка

обратилась к нему на «ты», но врать не стал.

– Настя, в жизни всё совсем не так, как в детективных сериалах. А в убийстве Жени отсутствует самое главное, мотив. Не зная «зачем», нельзя строить предположения и «кто». Но Мухтар, то бишь я, постарается.

Тем временем они подъехали к Настиному дому. Девушка уже успела перебраться к двери, и проблема «попа–ноги» при выходе теперь её не волновала. Да и ледок в отношениях без сомнения дал трещину, хотя и друзьями они пока не стали. Настя, восстановив на лице нейтральное выражение и, коротко и суховато поблагодарив, попрощалась. Лишь когда она уже почти повернулась спиной, Игнат спросил:

– Я могу вас ещё увидеть? Скажем, не как свидетельницу по делу об убийстве?

Настя усмехнулась и, сморщив носик, бросила:

– Конечно. Запишитесь в библиотеку.

Назыров изобразил на лице разочарование и, когда девушка отдалилась на достаточное расстояние, по-русски выразил свои чувства в витиеватом матерном выражении. Он умел ругаться и по-татарски, но никогда этого не делал. Татары употребляли такие выражения в конкретных случаях, чтобы оскорбить, а русские просто колебали воздух, выражая эмоции. Или вообще просто так, вместо междометий.

Но сдаваться капитан не собирался. В конце концов, подбивать клинья под даму сердца под видом посещения библиотеки – вовсе не такая плохая идея.

* * *

Скрепкин и Вэвэ, конечно, сделали кислые лица, когда он пришёл записываться, но всё же вякнуть, что тот не из их района не рискнули. А Владик почему-то вспомнил книжку Гашека и его знаменитого солдата Швейка. Там была история про то, как тот торговал собаками. И фигурировал некий тайный агент полиции Бретшнейдер, который, пытаясь уличить Швейка в измене Австро-Венгерской империи, завёл с ним близкое знакомство и для этого регулярно покупал у него псов. Они же, оголодав, его и сожрали. Примерно такую аналогию Скрепкин видел и во внезапно возникшей у мента тяге к чтению. Единственное, что книги не могли сделать с Назыровым – это его съесть. И Вэвэ с Владиком, не сговариваясь, сожалели, что у тех нет зубов. Но Игнат по этому поводу и в ус не дул. Убийство Колибри, хочешь не хочешь, ему надо было разруливать, а ведь и по другим делам работы хватало. Однако начальство, слава богу, по этому эпизоду особенно не дёргало, и предложенная Игнатом идея «внедрения» в библиотеку и разработки связей покойного была сочтена разумным, хотя с точки зрения затраты времени небесспорным шагом.

Если смотреть правде в глаза, освобождение Скрепкина из СИЗО сильно подпортило планы «убойного» отдела. Побудь тот хотя бы ещё чуть-чуть в камере среди правильных

пацанов, глядишь, и написал бы чистосердечное признание, теперь же его повторное задержание без новых улик стало бы полным обломом. А этих улик как раз и не было.

Надо отдать должное, сыщики добросовестно провели следственную работу. Опросили соседей, отработали ближайшие связи убитого, но ничего путного не нашли. Многое можно было списать и на простое невезение. Впрочем, оно почти всегда сопровождает любое следствие. Например, видеокамера при входе в подъезд престижного дома убитого, как назло, была неисправна. И это была не случайная, единичная поломка. В последние месяцы неисправности возникали с завидной регулярностью. Конечно, их быстро устраняли, жильцы получали порцию формальных извинений, но днём раньше, днём позже, а история повторялась снова. И они (жильцы) уже собрались обращаться в свою управляющую контору с просьбой поменять организацию, занимающуюся видеокамерами. Им было неведомо, что нечто подобное происходило в элитных домах, офисах, магазинах, находящихся по соседству. Да и откуда же им было знать, что их район стал ареной конкурентной борьбы двух компаний, устанавливающих и обслуживающих видеонаблюдение, «Аквилона А» и «High-Tech Security». И сыщикам приходилось надеяться только на сведения дотошной, всевидящей и всезнающей консьержки, которая вне зависимости от того, работала или нет камера слежения, вела свою сверхнадёжную, прошедшую закалку сталинскими временами бухгалте-

рию. Но она поклялась ментам, что никто из посторонних во время убийства в подъезд не заходил. Более того, продемонстрировала тетрадь, в которой были аккуратно зарегистрированы по времени, номеру квартиры и по фамилии входящие в дом, но не живущие в нём лица.

Одна беда, следствие не знало, что таких тетрадей у неё две. Одна, так сказать, для парадного, а другая для чёрного входа. Но показывать милиции вторую она не собиралась. И всё это потому, что её внук отбывал наказание в Мордовии за квартирную кражу, которую, как она считала, не совершал. А, кроме того, этот «чёрный» кондуит мог пригодиться ей самой. Как пригодились в одной известной истории ордера на конфискованную мебель архивисту Коробейникову. Люди-то в доме Скрепкина жили небедные, и ходили к ним такие же. А не все, понимаете ли, хотят, чтобы знали, что к ним кто-то приходил. Или, наоборот, они к кому-то. Мужья там всякие или жёны. Вот ушлая дама и имела, то в виде «добровольных» пожертвований, то вследствие ненавязчивого шантажа, за участие в пакте о нераспространении информации вполне весомый «чёрный» нал. Но всё-таки всех, чтобы те потом не могли отрицать факты, регистрировала в отдельной тетрадке. А то, что от сокрытия информации могли пострадать интересы следствия, ей было по барабану. И сыщики не имели ни малейшего понятия, куда копать.

А следователь Безруков вообще не особенно волновался. Проще говоря, не брал себе в голову. Убитого парня ему, в

общем-то, было жалко, но он не видел в связи с этим причины сажать, ради «галочки», производящего безобидное впечатление Скрепкина. В конце концов, одним «висяком» больше, одним меньше, один хрен.

Но сам главный подозреваемый не собирался успокаиваться. Впрочем, и на помощь следствия он тоже не надеялся. Слава богу, что его самого хотя бы отпустили. Правда, его дилетантские, повторяющие работу сыщиков попытки выяснить что-то у соседей тоже ни к чему не привели. Он рассчитывал, что с ним они, может быть, будут откровеннее, но ошибался. Соседи или ничего не знали, или не хотели говорить. Они были обеспеченными людьми и охраняли, как зверьё, только самих себя и только свою территорию. А кто, кого и зачем где-то там, пусть даже по соседству, зарезал, их не волновало. Не хватало ещё и показания давать. Не повезло ему и с консьержкой. И хотя ей нравился этот интеллигентный Владик, и она сожалела о гибели Жени, впутывать в дело о варварском убийстве двух милейших и без сомнения законопослушных граждан, заходивших в подъезд во время преступления, не собиралась. Мужчину она видела и раньше, а женщину в первый раз, но подозревать их в том, что они могли кого-то убить…

И всё-таки Скрепкину, как любому новичку, повезло. В некотором отдалении от элитного дома Владика стояла обыкновенная двенадцатиэтажка времён застоя. И жил в ней дядя Муся. Но «жил» – это как посмотреть… Скорее оби-

тал в подъезде на матрасе на лестничной площадке между четвёртым и пятым этажом недалеко от квартиры, в которой был прописан, и из которой его выперла собственная дочь. И звали его вовсе не Муся, а Николай Иванович Мусин, когда-то вполне уважаемый человек, персональный пенсионер российского значения, правда, сильно пьющий. А дядей Мусей он стал из-за глупого стечения обстоятельств и с лёгкой руки семилетнего мальчонки, гордого тем, что родители первый раз в жизни доверили ему самостоятельно вынести мусор. А у мусорных баков, как назло, в этот момент по своим делам крутился злополучный Мусин. Понятно, что мамаша, коршуном глядящая из окна, чтобы, не дай бог, кто-то не обидел её чадо, увидев Николая Ивановича, заорала на весь двор: «Мусин! Отвали! Дай мальчику подойти». А тому её пацан и даром не был нужен. Только мальчику послышалось не Мусин, а Муся, как звали кошку на даче, и, как хорошо воспитанный ребёнок, он с тех пор стал приветствовать своего знакомого словами: «Здравствуйте, дядя Муся». Так это прозвище, как его хозяин не злился, и прилипло.

Но у двенадцатиэтажки мусорные баки были не Мусинова калибра. Другое дело те, что появились рядом с построенными престижными хибарами. И после нескольких словесных конфликтов, а то и драк с себе подобными, контроль над элитной мусоркой остался за Николаем Ивановичем.

С сыщиками ему встретиться не пришлось. Он держал ушки на макушке и, прослышав про убийство, на несколь-

ко дней залёг на дно – от греха подальше. А когда вернулся на место постоянного пребывания и встретил знакомого ему Скрепкина, то, хотя и небескорыстно, но был готов поделиться любой значимой информацией. Это же не с полицией-милицией говорить. Впрочем, как оказалось, и он знал немного. Потому что в день убийства набухался и валялся в отключке у приятеля в подвале. Разочарованный Скрепкин уже собирался распрощаться с дядей Мусей и сунул тому несколько купюр на «сосудорасширяющую» тинктуру, как тот, благодарно пошуршав деньгами, бросил:

– А ты бы, Владик, у вашего приятеля поспрашивал, который днём заходил. Может, он что видел?

У Скрепкина брови вверх поползли. Он знал, у Колибри был круг знакомых и по старой работе, и по университету, но домой он никогда никого не приглашал. Как и Владик, не желая афишировать, что они живут вместе, не водил гостей к себе. Кстати, по их с Колибри совместной договорённости.

– Какой приятель? – не скрывая удивления, спросил Скрепкин.

Дядя Муся посмотрел на него, как на совсем тупого.

– Какой-какой. Да такой. Который на серебристом «ауди» ездит. Крутой по виду мужик. Да и не мальчик уже. Скорее, мне по годам поближе.

У Владика не было знакомого, разъезжающего на серебристом «ауди». А дядя Муся, видя недоумение Скрепкина, добавил:

– Неужели не помнишь? Он ведь у вас не в первый раз. С полгода как нарисовался. И Женька покойный с ним пару раз куда-то ездил.

Мусин на секунду замолк, а затем, что-то прикинув в голове, важно произнёс:

– Только ты про этого мужика ничего плохого не думай. Друзьями они были. По всему обращению было видно. Тот просто был ему, как отец родной. Может, и в правду отец? Я же не спрашивал.

Скрепкин внезапно почувствовал укол ревности. Что же, чёрт возьми, происходило в доме в его отсутствие? Получалось, что он не так уж хорошо знал Колибри. Однако, заметив нарастающее любопытство Мусина, сделал вид, что вспомнил.

– А-а, конечно же, отец. Женя мне как-то говорил, что тот должен приехать из-за границы, а у меня из головы вылетело. Я-то всё время на работе.

Но Мусину становилось всё интереснее. Надо быть дураком, чтобы не видеть, что Владик понятия не имеет, о ком речь. Интересная получалась история. Два парня вроде жили вместе. Странновато, да уж такие ныне времена. Но чтобы один мог не знать, что к другому приехал отец, это, извините-подвиньтесь, брехня. Дядя Муся состроил невинную физиономию.

– А что? Ты разве не встретился с ним на похоронах? – спросил он и озабоченно запричитал. – Это что же получа-

ется, люди добрые, родной отец не знает, что его сын уже лежит в могилке? Беда-то какая.

Скрепкин скривился. Разговор с Мусиным начал его утомлять.

– Да нет, был, конечно. Я просто не в курсе, что они виделись в день Женькиной смерти, – вяло и не очень убедительно заметил он.

– А-а, тогда ладно, – протянул в ответ дядя Муся, а сам подумал: врёт же.

* * *

Владику было грустно в опустевшей квартире. Это была не просто печаль утраты близкого человека. Точнее, в первую очередь, конечно, она, но ещё и какое-то смешанное чувство тоски и обиды. И как он не пытался его подавить, оно вспыхивало с новой силой, заставляя признать правду: у Колибри, кроме него, мог быть кто-то ещё. В своих прежних, до Женьки, связях с мужчинами о таком понятии, как ревность речь вообще не шла. Просто сходились и расходились, сохраняя уважение, и не обижая друг друга. Иногда отношения могли продолжаться неделю, иногда месяцы, но, как правило, никто не играл двойную игру. Может, как раз потому, что была связь мужчин без традиционного взаимного лицемерия гетеросексуальных пар. А может, Скрепкину просто везло. Нет, он без сомнения ревновал Колибри и

раньше. Но в первую очередь к женщинам, к Насте, например. Именно они, по его мнению, могли представлять для их с Женей отношений реальную угрозу. Поэтому, хотя он никогда и не говорил этого Колибри, Владик не был в восторге от того, что тот учился на факультете, где баб было намного больше, чем мужиков. Его собственная учёба в «девчачьем» институте была ещё свежа в памяти. И у него лично это привело к смене ориентации. Впрочем, об этом он ни капельки не жалел. Но кто мог гарантировать, что такое же не могло произойти с Колибри? Только наоборот. Плохо это или хорошо, а смена ощущений всегда манила людей.

Но опасность-то, как выясняется, была не в бабах. И откуда мог возникнуть этот неизвестный мужчина? Со старой работы, что ли? Ведь не стал бы он знакомиться с кем-то на улице. И рисковать вступить в связь с кем-нибудь из университета тоже бы не стал.

А может, Владик вообще зря плохо подумал о покойном?..

Скрепкин с трудом вспомнил имя парня, с которым его когда-то познакомил Колибри и с которым перебросился парой ничего не значащих фраз на похоронах. Его звали Артур. И он гордился своим королевским именем. Артур был толст, потлив и несимпатичен своим скользким оценивающим взглядом официанта. Хотя взгляд – это ещё не весь человек. И, может, он в свободное время кормил бездомных собак и жертвовал на строительство очередного храма.

Впрочем, гибель бывшего сослуживца, видимо, не так уж

сильно его волновала. Когда Владик вновь встретился с ним, ни какого-либо интереса к поискам убийцы, ни желания поговорить о Женьке он не проявил, даже, несмотря на то, что ресторан в тот час был пуст, и клиентов не было. Вроде как «умер Максим, и хрен с ним». Ему явно хотелось поскорее избавиться от занудливого друга Колибри и поиграть в «шмен» с пацанами в подсобке. Но от Скрепкина отвязаться было не так легко. Заметив, что Артуру очень нравится собственное имя, он решил потрафить его слабости и, как бы невзначай, заметил:

– Слушай, Артур, а ты знаешь, что это королевское имя тебе очень подходит? Я как-то копался в библиотеке и обнаружил интересную штуку. Оно, оказывается, состоит из двух одинаковых по смыслу корней: одного «arth» из валлийского языка и другого «ursus» из латинского. И оба означают «медведь», а вместе – Arthursus. Ты ведь водку «Урсус» с медведем на этикетке пил, небось? Не хрен вам собачий, а пойло, названное по-латыни. Но не в водке дело, а в том, что великий английский король Артур на самом деле Медведь, король-воин то ли британского, то ли романского происхождения, то есть не от каких-нибудь варваров-бриттов, а от благородных древних римлян.

Артур в ответ прямо расплылся от удовольствия и, сразу подобрев, спросил:

– А что тебя так волнует, кто из наших был на похоронах? И кто с Колибри особенно дружил?

Правду говорить Скрепкин не хотел и на ходу выдал глупую, но правдоподобную историю:

– Понимаешь, в день накануне убийства, когда я вернулся домой, Евгений был довольно прилично бухой и рассказал, что у него был мужик с работы, с которым он ездил покупать подарок его сыну на юбилей свадьбы. И они, так сказать, отпраздновали и покупку, и сам юбилей. А уж потом, после похорон, разбирая Женькины вещи, я обнаружил в комнате довольно дорогую новую вазу из оникса в магазинной упаковке. Вот и подумал, что тот мужик её у меня по пьянке забыл.

Артур с удивлением посмотрел на Скрепкина.

– Так что же ты теряешься, дурак? Оставь её себе. На хрена хозяина искать.

Владик усмехнулся и несколько непонятно для Артура ответил:

– Она недостаточно дорога, чтобы я взял грех на душу.

– Чистоплюй, значит, – с оттенком пренебрежения заметил Артур, но тут же уточнил, – но это твоё личное дело. А таких официантов в возрасте или ещё кого с взрослыми женатыми сыновьями у нас нет. И особой дружбы с Женькой, как и со всеми нами, молодыми, старшее поколение не водило. Они ж на кладбище пошли так, мордой поторговать. Поглядеть, как вместо тебя, старикана, пацана в землю закапывают. Да чёрт вообще с ними. Их время всё равно прошло. У них свои заморочки, а у нас свои.

Скрепкин разочарованно вздохнул.

– А может, был кто-то посторонний? – в последней надежде спросил он.

Артур пожал плечами.

– Да крутился там один ненашенский. Солидный такой дядечка. Ни с кем не разговаривал. Морда вроде обычная, рабоче-крестьянская. Глазки долблёные. А вот пальто кожаное навороченное, просто мама дорогая. И часики что надо. Да и перстень с зелёным камешком недешевенький.

Скрепкин подумал, что, если Артур обратил внимание на такие подробности, то, может, и знает, какая у него машина, но тот только отмахнулся.

– Самому было бы интересно, да он раньше смылся.

Владик снова упёрся в тупик. Но шанс, что всё-таки найдутся пронырливые и вездесущие люди, которые приметили на похоронах незнакомца, был.

Бригаду могильщиков, обслуживавших похороны Колибри, оказалось, разыскать труднее, чем он предполагал. Тем более что он не был родственником покойного. Впрочем, во многом это была вина самого Владика. Чёрт его дёрнул честно, по-советски обратиться в администрацию и пытаться просто, по-человечески что-то выяснить. Никто и пальцем не пошевелил. Все были ужасно и категорически заняты. Когда Скрепкин, наконец, очнулся, вспомнил, где живёт, и достал баксы, отношение к нему сразу чудесным образом переменилось, и какая-то гнусавая дама средних лет, поли-

став замызганную тетрадочку, сообщила, что ему нужен дядя Рома, который, к счастью, даже не был в запое и находился где-то при исполнении на территории.

Дядя Рома был весёлым умеренно пьяным мужичком без возраста, который, прихлёбывая что-то из спрятанной в бумажный пакет бутылки, блаженно перекуривал на куче свежевырытой земли рядом с незаконченной могилой. И, к радости Владика, Колибри он помнил. Всё-таки не каждый день хоронят молодых, да ещё и на похоронах присутствует в основном молодёжь. Но главным для Скрепкина было то, что этот Харон местного значения весьма оживился, когда Владик попытался описать ему личность незнакомца.

– Этого-то? – с оттенком неожиданной нежности переспросил дядя Рома. – Конечно, помню. Правильный джентльмен. Благодетель, можно сказать. Он бригаде солидно отстегнул, чтоб тому пареньку комфортно было покоиться. Уважил, прямо сказать. – Дядя Рома приложился к животворному источнику и тряхнул головой. – И, знаешь, по повадкам простой мужик. Без говна. Шмотки дорогие, сам ухоженный, а натура наша, человечья. Дай бог ему здоровья.

– А какая у него машина, ты случайно не запомнил? – затаив сердце, спросил Скрепкин.

– А что там такого запоминать? – удивился вопросу дядя Рома. – Он в ней долго ещё сидел, ждал, когда все уйдут, и мы закончим. Ещё рукой мне помахал на прощание. А потом обратно на могилку вернулся… «Ауди» у него. Эс восемь.

Прошлогодняя. Серебристого цвета.

Владик, не веря удаче, протянул могильщику тысячерублёвую купюру.

– Так ты и в моделях сечёшь?

Могильщик с хитрецой поглядел на Скрепкина.

– А то как. Мне ведь по жизни, кроме как жмуриков закапывать да водку грызть, делать не хрена. А погост – это, если не брать в расчёт Думу, самое верное место, чтобы разбираться в иномарках.

Владик, не скрывая уважения, кивнул в знак согласия.

– А может, ты и номер запомнил?

Но дядя Рома хоть и схавал, не подавившись, как банкомат, кредитку, Владика денежку, вдруг подозрительно спросил:

– А что это ты так этим мужиком интересуешься? Да и кто ты вообще?

Пришлось Скрепкину вновь врать про забытую дорогую вазу. Дядю Рому ответ вполне удовлетворил.

– Это правильно возвращать забытые вещи. А то вдруг кому-то память, – рассудительно проговорил он. – А вот с номером вряд ли помогу. Это раньше просто было: четыре циферки и три буковки. Как тут русскому человеку не запомнить. Особенно, три буковки, – дядя Рома хихикнул. – А сейчас не поймёшь. Муторная система. Но помню, что оканчивается на МР77. 77 – номер моей квартиры, запомнить легко. А «МР» почти как МУР.

* * *

Как нетрудно догадаться, третьей фигурой, занимавшейся розыском убийцы, был Дед Мороз. Он был тем таинственным лицом, поисками которого пока без особого успеха занимался Скрепкин. Тем, кого дядя Муся по вполне простительной причине, по ошибке принял за отца Жени. И тем, чья личность произвела впечатление и на официанта Артура, и на могильщика дядю Рому. Дед о смерти Колибри узнал чуть ли не одним из последних, только за несколько часов до похорон. И теперь буквально рвал и метал. Он действительно в тот день навещал Женьку и, как уже было прежде, развлекал его за рюмкой коньяка полуправдивыми байками о прошлом, историями из жизни «блатных». Правда, в подробности быта криминальных элементов старался не вдаваться, поясняя, что наслышан про всё это от почившего в бозе брата, безвременно ушедшего уважаемого вора в законе. Но чем больше лгал, тем меньше себя уважал из-за того, что не сказал юноше правду. И жалел, что, начав врать, не прикинулся бывшим «следаком» вместо того, чтобы придумывать мифического родственника. Но так получилось. А он уже и поотвык прикладывать усилия, чтобы завоевать чьё-то расположение. Стоило захотеть, – и ему могли привести подходящую тёлку или тёлка из числа профессионалов или любителей. А тут приходилось, как мальчишке, учиться снача-

ла. Он ведь даже запарился, когда просто придумывал повод для знакомства. В конце концов, не мудрствуя лукаво, как-то поутру просто зверски искромсал шины на машине Колибри. И когда тот, злой и растерянный, стоял возле изуродованного авто, названивая друзьям, чтобы сказать, что опаздывает на лекцию, наступил час Деда Мороза, предложившего подвезти на его крутой тачке. А дальше дела пошли проще. Они, естественно, познакомились, и Дед, сославшись на свои связи в автосервисе, вызвался на следующий же день организовать по дешёвке не только смену колёс, но и техосмотр. А затем всё оплатил, невзирая на не очень решительное сопротивление Колибри, который вообще-то не видел ничего предосудительного в прихоти богатого чокнутого господина. Они начали перезваниваться. Дед в надежде на развитие отношение, а Женька больше из вежливости, хотя чокнутым Деда больше не считал и даже проникся к нему симпатией и уважением. А тот, узнав о любви Колибри к театру и воспользовавшись уже проторённым путём Скрепкина, сводил молодого человека на несколько модных спектаклей. В итоге дружеские отношения развились до того, что Женька от скуки раза два пригласил Хвылю в отсутствие Владика домой. И всё прошло очень мило и интеллигентно.

Деду теперь только и оставалось взять быка за рога и поставить точку – рискнуть и объясниться. Но перейти, наконец, через некую грань он как-то не решался. Боялся получить отказ. Странно, но он вдруг понял, что лучше жить с

призрачной надеждой на взаимную любовь, чем с однозначным знанием, что её нет. Оба по-своему лицемерили. Один изображал некоего чудаковатого филантропа, другой просто пользовался, правда, не без угрызений совести его добротой.

Когда Колибри, что было для него не характерно, на следующий день после их последней встречи не ответил на звонок, Дед не придал этому значения, не подозревая, что Женькино располосованное прозектором тело уже лежало в морге. Гнетущее душу ощущение возникло лишь на следующий день, когда абонент снова оказался недоступен. Но Дед успокаивал себя тем, что, может, Колибри просто не в духе или чересчур занят учёбой. Однако связи не было и на следующий день. И когда, выждав ещё сутки, Хвыля приехал к дому Скрепкина и ещё издали увидел у подъезда толпу мрачных людей, то понял: его самые худшие опасения-фантазии оправдываются. Об убийстве он узнал от всё той же знакомой консьержки, которой ещё в прежние визиты дальновидно оставил пожертвования на «озеленение интерьера подъезда».

И всё рухнуло. Его, Деда, за все его грехи и, главное, за враньё Жене, наказал Бог. Нельзя обманывать любимого человека. А он так и умер, не успев узнать, что немолодой богатый джентльмен проявляет к нему интерес вовсе не потому, что тот напоминает ему выдуманного сына, якобы живущего с матерью в Аргентине, а как безнадёжно влюблённый, средних лет мужчина, жизнь которого на многие годы была пере-

ломана зонами и пересылками. И Дед справедливо упрекал себя за отсутствие честности, настойчивости и, самое главное, решительности. Сопровождая в отдалении похоронный кортеж, и не скрывая от случайных взглядов повлажневших глаз, Хвыля клялся, что найдёт и закопает сукиного сына, посмевшего лишить его, может быть, последней в жизни надежды на взаимную любовь.

Дед поручил расследовать убийство своей правой руке и заместителю по фирме Михалёву Алексею Георгиевичу, или – для своих – Клёпе. Тот не стал искать сложных путей и набрал номер телефона своего хорошего, точнее, хорошо оплачиваемого знакомого из органов, который мог в подробностях и без особых затрат выяснить, что успела нарыть доблестная милиция. Но, как выяснилось, сильно она не преуспела, хотя, как положено, в меру попыхтела. О чём он тут же своему шефу и доложил.

Понятно, что сразу всплыло имя Скрепкина как главного кандидата в подозреваемые, хотя, как справедливо полагал Клёпа, Деду нужен был реальный убийца, а не клиент на шконку. А тот тоже весьма и весьма сомневался в причастности Владика. И стиль был не его, и в отношениях между ним и Женей не было ничего предвещавшего беду. Но сбрасывать Владика со счетов Дед всё же не стал и поручил чуток попасти его. Чёрт его знает, думал Степан Андреевич, а вдруг тот ревнив, как африканский мавр, и, пронюхав про встречи Деда и Колибри, устроил разборку. Хотя, как каза-

лось Степану Андреевичу, Скрепкину не хватило бы на это пороху.

Сам доклад о деле проходил в кабинете Хвыли. А у того была дурная, но безобидная привычка – при разговоре вертеть в руках карандаши и в моменты «акме» разламывать эти ни в чём не повинные предметы. Поэтому на столе всегда стоял чёрный пластмассовый стаканчик, наполненный приговорёнными к смерти пишущими принадлежностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.